

УХАНЬСКИЙ СИНДРОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Эдгар Грант

18+

Эдгар Грант
Уханьский синдром

«Автор»

2020

Грант Э.

Уханьский синдром / Э. Грант — «Автор», 2020

Пандемия коронавируса до неузнаваемости изменила жизнь человечества и заставила государства по-новому оценить уровень биологической опасности на нашей планете. Откуда взялся невидимый убийца? Какие цели преследовали те, кто с ним работал на протяжении долгих лет, и те, кто вмешался в хорошо спланированный и тщательно подготовленный проект? Возможно, Уханьский синдром предвестник чего-то грандиозного, о чем большинство людей еще долго не узнают, хотя уже завтра будут чувствовать на себе начало нового этапа истории. Содержит нецензурную брань.

© Грант Э., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

56

Эдгар Грант

Уханьский синдром

Май 2019. Китай. Пекин. Центр дальних космических программ

В новостных программах Центр управления космическими полётами обычно представляется высокотехнологичным пространством, заполненным современными рабочими станциями, консолями управления и прочей сложной техникой. В них, конечно же, показывают и несколько десятков серьёзного вида учёных и операторов, которые внимательно отслеживают прогресс полёта и статус систем космического аппарата. А ещё там присутствует обязательный атрибут – огромный стеновой экран, обычно разбитый на несколько окон со звёздными или орбитальными картами и неровными столбцами показателей телеметрии. Но высокотехнологичная картинка относится преимущественно к большим проектам, таким как запуск космонавта на орбиту или отправка аппарата на Луну.

У Джоу Шеня, молодого оператора программы изучения планет Солнечной системы, только что закончившего университет, всё было по-другому. Его центр управления полётом находился в небольшом офисном помещении и умещался в обычном, правда довольно мощном и подключённом к центральной нейросети компьютере с раскладкой информации на трёх мониторах. Кабинет он делил ещё с двумя сотрудниками смены, работавшими над анализом информации, поступающей с удалённого спутника, по программе раннего обнаружения приближающихся к земле опасных объектов.

В тот памятный день Джоу пришёл на работу чуть раньше, заскочил к боссу, чтобы высказать своё уважение и спросить, есть ли особые инструкции или поручения на сегодня. В его обязанности входил мониторинг работы аппарата «Куай Тунь»¹ – Быстрой Ласточки, запущенного в 2010 и сейчас находящегося далеко за орбитой Юпитера. Железка была довольно старая, но сигналы на Землю посылала исправно. Основной задачей «Ласточки» была разведка атмосферы Европы². Для этого на ней установили довольно сложную систему забора и спектрального и химического анализа образцов газа и космической пыли.

Полноценной атмосферой пространство вокруг ледяного спутника можно было назвать с большой натяжкой. Тем не менее учёные предполагали, что существует разреженная газовая оболочка, образовавшаяся в результате извержений криовулканов. Европа была очень интересна ещё и потому, что под толстым слоем льда мог находиться пригодный для микроскопических форм жизни океан, подогреваемый внутренним теплом активных геологических процессов, вызванных гравитацией Юпитера. Земные телескопы неоднократно фиксировали гейзерообразные выбросы в космос из недр спутника. Это давало основание предположить, что их относительно свежие частицы будут не только формировать шлейф, но и некоторое время находиться в непосредственной близости от поверхности, что при определённой удаче позволит «Ласточке» собрать достаточное количество материала для анализа.

Когда аппарат пролетал рядом с Европой, центр управления был другим. В ожидании этого важного события он был один в один похож на те картинки, что транслируют по ТВ. Но «Ласточка» выполнила свою задачу два года назад. Она набрала полный заборник частиц из атмосферы, провела их химический и спектральный анализ и, отправив данные на Землю, пролетела дальше. Как и европейский «Галилео», китайский аппарат имел транзитную траекторию, то есть не зависал на орбите Европы, а, получив ускорение от её гравитации, двигался дальше в космическое пространство в сторону Сатурна.

---

¹ Быстрая ласточка (китайский).

² Европа – шестой по размеру спутник Юпитера, покрытый льдом, под которым предположительно существует океан жидкой воды.

Основная задача программы была выполнена, но космический зонд всё ещё исправно продолжал функционировать. Поэтому было решено полностью не сворачивать миссию, а оставить на ней дежурного оператора для мониторинга статуса систем в надежде на то, что когда аппарат достигнет Сатурна, то будет захвачен его гравитацией и, оказавшись на орбите, сможет повторить операцию забора и анализа ещё несколько раз. Это было бы превосходным бонусом к уже оказавшейся успешной программе. К тому же учёных интересовало наличие газа и частиц космической пыли в межорбитальном пространстве.

Однако этим планам не суждено было сбыться. В процессе выхода с орбиты газового гиганта произошёл технический сбой в работе маневровых двигателей, который изменил расчётную траекторию «Ласточки». Гравитационное поле Юпитера придало аппарату дополнительный инерциальный импульс, и он, набрав скорость, вылетел в космическое пространство над плоскостью Солнечной системы.

Исчерпав энергию, зонд под влиянием гравитации Солнца начал плавно изгибать траекторию, медленно, но уверенно разворачиваясь в сторону светила. Проведённые тогда расчёты показали, что при существующих параметрах и скорости отклонения орбиты через 8 лет аппарат войдёт в солнечную корону и сгорит.

Это событие было менее эффективным, чем проход через кольца Сатурна или атмосферу Энцелада³, но всё же представляло определённый научный интерес в случае, если газоанализатор «Ласточки» всё ещё будет работать.

Джоу как раз и был оператором, в обязанности которого изначально входил мониторинг аппарата во время его долгого и небогатого событиями перелёта между двумя газовыми гигантами. Свободного времени у него было много, поэтому босс периодически подкидывал молодому сотруднику несложные поручения по обработке информации, стекающей в отдел из космических агентств других стран.

В то утро никаких поручений не было. Предвидя очередную довольно скучную смену, Джоу сделал себе большую чашку чая и, перебросившись с коллегами по офису парой дежурных шуток, уселся за свою рабочую станцию. Ему предстояло сделать по данным телеметрии анализ событий, произошедших за ночь, и составить краткий отчёт для начальства.

Расслабленно зевнув, молодой учёный запустил суточный отчёт, который «Ласточка» в автоматическом режиме переправляла на Землю, если ничего не происходило. Убедившись, что статус систем удовлетворительный, за исключением уже известного повреждения одного из сегментов солнечной батареи, случившегося ещё около Европы, оператор уже хотел свернуть окно, но обратил внимание на автоматическую сработку газоанализатора. Это было интересно, потому что означало, что сенсоры аппарата зарегистрировали в космическом пространстве вещество в достаточной концентрации и запустили автоматический процесс его анализа. Джоу открыл пришедший файл и присвистнул от удивления.

– Гляньте-ка, что мой скаут нарыл в пустоте, – обратился он к скучающим коллегам. – Похоже, космос не такой уж и пустой. Есть водород и азот. А это что? Ого! Да это кислород! И ещё азот.

– Проверь системы. Скорее всего, какой-то глюк, – посоветовал ему старший смены операторов. – Аппарат почти в миллиарде километров над эклиптической. Не может там ничего такого быть. Если ты помнишь, то даже в атмосфере Европы, кроме воды и метана, ничего не было. Можно предположить остатки прошлых проб в камере. Но прошло слишком много времени. Сенсоры бы их зафиксировали раньше. Да и чистка газозаборника после Европы была проведена по процедуре. Плазменная дуга должна была разложить молекулы на составные

---

³ Энцелад – шестой по размеру спутник Сатурна. Покрыт льдом, под которым предположительно находится водный океан.

атомы и выбросить их в космос. Но даже если они остались, тогда получится углерод, кислород и водород. Азота там быть не может. А в твоих данных есть азот, а углерода нет. Точно глюк.

– Проверим, – разочарованно вздохнул Джоу. Если аппарат начал давать сбои, его спишут и программу закроют окончательно. А он за последние несколько месяцев уже привык к этой бездушной железке, летящей в холодном пустынном безмолвии космоса в полном одиночестве, но как верный разведчик исправно посылающей на Землю свои донесения. – Если в том секторе пространства действительно что-то есть, «Ласточка» должна будет сделать повторный забор. В случае если данные по качественному и количественному составу будут схожи, можно будет говорить о реальном событии, а не сбое в программе газоанализатора.

– Какой у тебя интервал забора? – старший смены подошёл и, навалившись сзади локтями на кресло Джоу, принялся рассматривать цветную диаграмму на экране.

– При такой концентрации вещества аппарат должен войти в рабочий режим и направить энергию на газоанализатор. Учитывая время, необходимое для зарядки батарей от радиоизотопного термоэлектрического генератора, следующий забор должен быть примерно через 5 часов. Сигнал до Земли идет, – Джоу посмотрел на кран монитора, – 47 минут. Значит, часов через шесть будем иметь повторный результат.

– Вот тогда и посмотрим. А сейчас внеси это в отчёт как неподтверждённое событие. И знаешь ещё что, – коллега задумался на несколько секунд. – У тебя тут довольно подробный качественный анализ по элементам. Сбрось эти данные в нейросеть. Посмотрим, какие молекулы искусственный интеллект из них сможет собрать.

Рабочий день тянулся своим чередом. Начальник смены выдал несколько мелких поручений. Пару небольших проектов подкинул босс. «Ласточка» больше не подавала признаков активности.

Прошло 6 часов. Джоу подозрительно посмотрел на экран с данными телеметрии, полученными во время прошлого сеанса. Аккумуляторы уже должны были зарядиться и активировать сенсоры аппарата. Если бы концентрация атомов в окружающем пространстве превышала расчётную для этого сектора, датчики бы запустили газоанализатор. Этого не произошло. Значит, космос вокруг «Ласточки» пуст. А жаль. Ему так хотелось, чтобы его аппарат нашёл в космическом пространстве что-нибудь интересное.

Быстро глянув на часы, Джоу откинулся в кресле и, забросив руки за голову, принялся в уме перебирать караоке-бары, куда он сегодня поведёт свою подружку. В этот момент пискнул терминал, сообщая о полученной почте. Пришла сделанная искусственным интеллектом раскладка возможных молекулярных комбинаций из элементов, найденных в космосе «Ласточкой». Джоу вывел её на экран и замер с открытым ртом. Одним из наиболее вероятных пропорциональных сочетаний кислорода, азота и водорода являлась органика. Таких сложных конструкций в космосе быть уж точно не могло. Жёсткое излучение разложило бы их на атомы. Значит, всё-таки произошёл сбой в сенсорах газозаборника аппарата и надежды на то, что он зафиксировал значимое событие, нет. Кроме того, нейросеть по анализу спектрограммы выдала ещё несколько не вписывающихся в общую картину неорганических комбинаций вроде циана и несвязанного двухатомного углерода.

Скорее по привычке доводить дело до логического конца, чем следуя установленному протоколу, Джоу в ручном режиме послал команду «Ласточке» активировать газоанализатор и, синхронизировав свой смарт с рабочим компьютером, чтобы в любое время получать сообщения, закончил свой рабочий день.

Вечер выдался на славу. Они с друзьями поужинали в небольшом ресторанчике, а потом завалились в популярный караоке-бар, где до полуночи под рисовое вино и колу орали китайскую попсу. Из-за громкой музыки и шумной компании молодой учёный не услышал сигнала своего смарта о том, что пришло важное сообщение с рабочего терминала Центра управления. Он прочитал его только утром. Трясущимися от волнения пальцами набрал пароль удалённого

доступа и, соединившись с офисным компьютером, скачал присланный космическим аппаратом файл на свой ноут. Потом долго сидел и раз за разом внимательно перечитывал содержимое.

Сомнений не было. Повторный анализ, принудительно запущенный им вчера в конце рабочего дня, показывал те же результаты, что и утренний, только в меньшей концентрации. Помимо всего прочего, «Ласточка» фиксировала в космическом пространстве азот, кислород и водород в комбинации, характерной для органических молекул. Пусть в значительно меньшей концентрации, не достаточной для автоматического запуска газоанализатора, но в тех же пропорциях.

Через несколько минут, дрожа под холодным душем, чтобы выгнать из организма остатки вчерашнего алкоголя, он уже представлял, как войдёт в кабинет начальника и положит перед ним на стол сенсационный отчёт о том, что космический аппарат «Куай Тунь», его «Ласточка», обнаружила в далёком космическом пространстве сложную органику.

Быстро растираясь полотенцем, Джоу вышел из ванной и, оторопев от неожиданности, остановился. В его крохотной съёмной студии находились трое серьёзного вида мужчин в джинсах и одинаковых лёгких, очень напоминающих форменные куртках.

– Джоу Шень? – скорее констатировал факт, чем спросил один из них и, сделав шаг вперёд, открыл перед его глазами служебное удостоверение. – Министерство госбезопасности Китая. Восьмое управление⁴. Одевайтесь. Вы пойдёте с нами.

Часом позже в Центре управления программ начальник смены операторов, работавших в одном кабинете с Джоу, так и не дождался молодого учёного. Решив не подставлять загулявшего парня перед начальством, он открыл рабочий терминал, связывающий Центр с «Ласточкой», чтобы снять регулярную телеметрию и составить короткий отчёт. Но вместо привычных диаграмм и столбцов цифр увидел короткое сообщение: «Доступ запрещён. Контроль над аппаратом «Куай Тунь» передан Военно-космическому управлению».

* * *

Напуганный и сбитый с толку Джоу опасно осмотрелся в просторном кабинете, обставленном современной мебелью. За рабочим столом под портретом председателя КПК, расслабленно закинув ногу на ногу, сидел мужчина средних лет и просматривал его досье.

– Так вы говорите органика? В открытом космосе? На расстоянии почти миллиард километров от Земли с высоким выносом над эклиптической⁵? – он отложил бумаги в сторону и с весёлым вызовом в глазах посмотрел на молодого учёного. – Там же межзвездное пространство. Пустота. Вакуум.

– Да... – немного растерявшись от такого вопроса, ответил Джоу. – Но такие данные мы получили от «Куай Тунь».

– Вот уж не ожидал, что эта старая, почти выработавшая свой срок железка нам ещё пригодится, – хозяин кабинета встал, обошёл стол и по-приятельски протянул руку: – Я доктор Ванг Ши. Можно просто – доктор Ши. Шеф программы контроля за дальним космосом. Мы следим, чтобы в нашу Солнечную систему не прилетело ничего, что могло бы принести непоправимый вред Земле. Во всяком случае, пытаемся заметить такие объекты на дальних подступах.

– Вроде американского LINEAR⁶?

---

⁴ Восьмое управление МГБ КНР отвечает за внутреннюю контрразведку.

⁵ Эклиптика – плоскость орбиты Земли относительно Солнца. Часто используется для обобщённого обозначения плоскости Солнечной системы.

⁶ Англ. Lincoln Near-Earth Asteroid Research – расположенная в США Лаборатория поиска околоземных астероидов имени

– Очень похоже. Только они лишь фиксируют объекты, а мы под каждый потенциально опасный астероид или комету разрабатываем программу устранения угрозы. Ну, типа, как сделать, чтобы он не попал в Землю хотя бы на этот раз. Ну или, если попал, то туда, куда нужно нам.

– Вы имеете в виду управление столкновением, – нервно сглотнул Джоу, который даже не представлял, что в распоряжении военных есть такие технологии.

– Почти. Правда, мы только в начале пути, но прогресс уже есть. Только наш разговор не об этом, – доктор Ши сел напротив гостя и смерил его изучающим взглядом. – В отличие от американцев, занимающихся пассивным сбором информации об объектах, мы действуем целенаправленно и сканируем секторы, представляющие наибольшую потенциальную опасность. Например, с обратной стороны Солнца или на большом угловом расстоянии от эклиптики.

– Но для этого нужны специальные аппараты.

– С этим у нас всё в порядке, – довольно улыбнулся Ши. – Помимо наземных телескопов, есть два орбитальных. Ещё три размещены в дальнем космосе. Причём один – на орбите Земли с обратной стороны Солнца.

– Невероятно, – восхищённо выдохнул Джоу.

– Точно подмечено. Так вот... Некоторое время назад мы заметили один интересный объект, вошедший в Солнечную систему под углом 50 градусов к эклиптике с севера. Находящийся на этом направлении телескоп провёл спектральный анализ и выявил наличие в нём элементов в довольно странных комбинациях. Это произошло месяц назад, в начале апреля. Мы не придали особого значения этому факту. Ожидая, что, когда он подлетит поближе, уделим ему больше внимания. Но вчера ваш аппарат совершенно случайно пересёк его траекторию. Подумать только! В бесконечной пустоте космоса две линии каким-то чудом пересеклись. Вероятность такого события стремится к нулю. Но оно произошло! И более того, «Ласточка» пересекла траекторию объекта буквально сразу после его пролёта, когда в пространстве всё ещё оставались следы его шлейфа. Я до сих пор не могу в это поверить.

– Значит. Это был не глюк, – с замиранием сердца проговорил Джоу. – Значит, газоанализатор всё же зафиксировал органику!

– Именно. Причём два раза.

– Но почему второй забор был такой слабый?

– Между первым и вторым забором газоанализатора прошло почти 7 часов. Аппарат движется со скоростью 12 км в секунду, за это время он прошёл почти триста тысяч километров. По нашим расчетам, хвост за объектом как раз примерно такой же ширины. То есть второй замер, который вы провели вручную, был уже почти за пределами его шлейфа. Концентрация вещества в этой зоне значительно ниже. Поэтому и автоматика зонда не сработала.

– Что это за объект? – немного осмелев, спросил Джоу.

– Комета. Она ещё слишком далеко от Солнца, ещё не начала испаряться и не образовала видимый хвост. Но это однозначно комета. Долгопериодичная. По расчётам, она была у нас последний раз пять с половиной тысяч лет назад.

– Объект представляет угрозу для Земли?

– Не на этом этапе, – покачал головой Ши. – Объект летит к Солнцу. По нашим расчётам, он пройдёт очень близко к светилу внутри орбиты Меркурия. Гравитация нашей звезды, конечно, изменит траекторию кометы, но когда она будет пересекать эклиптику на обратном пути, если не сгорит в солнечной короне, то пройдёт с обратной стороны Солнца между орбит Венеры и Меркурия. Так что опасности нет. Но! У кометы аура из циана – чрезвычайно токсичного газа. Однако несмотря на это в ней, возможно, есть элементы, которые могут потенци-

ально составлять органические молекулы, а это, мой друг, стоит того, чтобы к ней внимательно присмотреться. И здесь нам нужна ваша помощь.

– Я сделаю всё, что от меня потребуется, господин, – с готовностью заявил Джоу, чувствуя, как страх перед МГБ и секретным государственным космическим управлением внезапно улетучился.

– Другого ответа я не ожидал, – одобряюще улыбнулся хозяин кабинета. – Только давайте без господина. Просто – доктор Ши. А теперь к делу. Вы уже почти год работаете с «Куай Тунь». Никто не знает аппарат лучше вас. Нам нужны ваши навыки, чтобы сделать один сложный манёвр. По данным телеметрии, в маневровых двигателях сохранилось достаточное давление.

– Мы рассчитывали на то, что аппарат захватит солнечная гравитация и он, возможно, начнёт приближаться к светилу. В этом случае планировалось изменить его траекторию, чтобы провести аппарат в безопасной части гелиосферы⁷ и сделать анализ вещества.

– Теперь задача изменилась. Мы должны направить «Куай Тунь» вслед за кометой. Чтобы он как минимум ещё раз пересёк её шлейф, а в идеале проследовал вдоль него некоторое время. Как думаете, хватит энергии для манёвра?

– Не уверен. Надо всё просчитать.

– Тогда не будем терять времени. С каждой секундой «Ласточка» уходит всё дальше от траектории кометы.

Май 2019. США. Вашингтон. Офис МВБ

Если не считать таких экзотических напастей, как Эбола, лихорадка Дэнге или лихорадка Западного Нила, то за последние 20 лет было 4 серьёзные волны опасных респираторных заболеваний, спровоцированных вирусными инфекциями. Птичий грипп, распространявшийся с 1997 по 2003 год. SARS-CoV, вызывавший атипичную пневмонию, 2003. Свиной грипп, 2009 год. MERS-CoV, 2012. Ни один из этих вирусов не разросся до масштабов полноценной эпидемии.

Возможно, вспышки вирусных заболеваний, приводящих к атипичным пневмониям, были и раньше. Возможно даже, что они имели гораздо большее распространение и летальность, но медики по каким-то причинам не придавали им серьёзного значения, ставя в общий ряд с сезонным гриппом и ОРВИ.

Шло время. Новые вирусы появлялись с нарастающей периодичностью и становились всё более опасными и непредсказуемыми. Такая ситуация не могла не привлечь внимания учёных и структур, отвечающих за безопасность государств. Первых интересовал механизм трансфера патогенов от животных к человеку, их мутагенность и деструктивный потенциал. Вторых – возможность возникновения серьёзных эпидемий и их влияние на экономику и политику.

На фоне такой активности возродился интерес к вирусологии и у американских военных. Хотя США и подписали Конвенцию по запрещению бактериологического и токсинного оружия, они в отличие от других стран не запретили исследования в этом направлении, оправдав свои действия «чисто научным интересом». Поэтому Америка чувствовала себя совершенно свободной в выборе исследовательских программ, даже если они могли классифицироваться как разработка биологического оружия. Для этих целей, помимо штатных научных центров, Пентагон, ЦРУ и МВБ⁸ подрядили несколько лабораторий, работающих при университетах и крупных фармацевтических компаниях. Занимались вирусами и частные исследователи-энтузиасты в надежде разработать и запатентовать алгоритмы быстрого создания вакцины с тем, чтобы в нужный момент подороже продать их производящим лекарства гигантам.

---

⁷ Область окосолнечного пространства.

⁸ Министерство внутренней безопасности.

После вспышки атипичной пневмонии в 2002 году и свиного гриппа H1N1 в 2009 все, кто серьёзно изучал эту тему, понимали, что рано или поздно в человеческую популяцию войдёт вирус, обладающий убийственным набором качеств. Он будет передаваться от человека человеку воздушно-капельным путём и иметь длительный инкубационный период, который позволит ему быстро распространяться без видимых симптомов, не вызывая при этом реакции медицинских служб. Ещё кандидат в супервирусы должен обладать высокой патогенностью, то есть значительным процентом смертельных случаев. К другим опасным факторам относились способность к быстрым мутациям, которая значительно усложняет создание вакцины и выработку популяционного иммунитета, а также резистентность к внешней среде, то есть возможность сохранять активность в широком диапазоне температур и влажности.

Эти пять факторов составляли набор идеального вируса-убийцы и в случае комбинации в одном патогене были способны привести к глобальной пандемии невиданных масштабов с самыми трагичными для человечества последствиями.

Вирусы, спровоцировавшие все предыдущие вспышки, обладали некоторыми, но не всеми качествами. При довольно высокой смертности в 10 процентов атипичная пневмония имела короткий инкубационный период, что позволяло быстро выявить и изолировать разносчика инфекции. Свиной грипп, распространение которого Всемирная организация здравоохранения впервые за 40 лет объявила пандемией, отличался от сезонного лишь тем, что чаще провоцировал пневмонию. Он обладал слабой мутагенностью и вызывал стойкий популяционный иммунитет. Штаммы птичьего гриппа H5N1 и H7N9, получившие распространение в 2013 году, не могли передаваться от человека к человеку, имели довольно узкий порог резистентности и сохраняли активность только при определённой влажности и температуре.

В общем, человечеству пока везло. Реальная угроза обходила его стороной. Но эволюция – процесс непрерывный, а вирусы – одна из древнейших форм живого на планете, отработавшая до совершенства и стратегию, и тактику выживания. К тому же активное освоение человеком ранее нетронутых субэкваториальных и экваториальных территорий значительно увеличило вероятность контактов с местным видовым разнообразием животных и предоставило прекрасную возможность для вирусов поэкспериментировать со сменой хозяина. Такие эксперименты рано или поздно должны были закончиться для примитивного, но очень жизнеспособного организма ошеломительным успехом, результатом которого стал бы прорыв в человеческую популяцию.

Несмотря на то что такая угроза казалась весьма удалённой, ей начали уделять всё больше и больше внимания, в основном теоретически моделируя различные типы вирусов и вызванные ими эпидемиологические ситуации.

Как раз с очередной такой моделью и пришёл на доклад к главе МВБ США директор Национального центра по контролю и профилактике заболеваний доктор Роберт Ротфилд. Документ был довольно объёмный, изобилдовал сложными статистическими выкладками, долгим описанием методологий и массой ссылок на заслуживающие доверия источники. Но результат моделирования уместился на одной странице в нескольких абзацах. Америка не была готова к эпидемии даже средних масштабов. Неконтролируемое распространение нового супервируса может вызвать коллапс системы здравоохранения, общую панику местных властей и населения и частичную или даже полную остановку экономики. Привлечённые ЦКПЗ эксперты прогнозировали закрытие предприятий, лавинообразный рост безработицы, падение ВВП на 8–10 процентов, обвал финансовых рынков и вход США в 2–3-летний цикл рецессии. И это в лучшем случае. В худшем страна скатывалась в длительную экономическую депрессию, сравнимую по трагичности с той, что случилась в 20-х годах прошлого века. Экономические и политические последствия такого коллапса предсказать было сложно, но специалисты описывали его в самых мрачных тонах. Вполне естественно, в документе, чтобы снизить риски

неблагоприятного развития событий, предлагался комплекс мер, требующий серьёзного внимания и финансирования.

– Я, конечно, изучу детали вашего доклада и подготовлю справку для президента, – глава МВБ Кевин Макалистер отложил папку с презентацией в сторону. – Но хотел бы услышать ваше неформальное мнение. Как учёный-микробиолог с именем и заслуженным авторитетом среди коллег, что вы сами думаете о вероятности такого рода эпидемии? Каковы шансы, что супервирус появится в ближайшее время?

– Новые опасные вирусы по тем или иным причинам проникают в человеческую популяцию раз в 6–8 лет. Сама по себе такая периодичность ничего не значит. Супервирус может возникнуть в любое время. Всё зависит от случайной удачной мутации, – доктор Ротфилд собрал перед собой в аккуратную стопку разложенные на столе листы бумаги и сделал небольшую паузу. – Или от целенаправленного воздействия на его геном. Время и место возникновения супервируса нельзя точно предсказать или спрогнозировать. Но можно с уверенностью сказать, что его появление неизбежно. Через год, два, десять или двадцать лет, но это произойдёт. Поэтому надо готовиться к самому неблагоприятному развитию событий.

– Понимаю, – кивнул головой Макалистер. – Но всё же хотелось услышать ваше мнение о том, насколько такое неприятное событие вероятно в ближайшем будущем. У нас на носу выборы. Демократы прессуют президента с импичментом. Экономике удалось разогреть, но средств в казне критически не хватает. Дефицит бюджета почти в триллион. Госдолг 23 триллиона. Федеральный закон о бюджете на 20-й год уже подписан. Если мы и примем ваши рекомендации, то только как долгосрочную программу с финансированием, растянутым на несколько лет.

– Сэр. Я не могу ответить на вопрос о вероятности возникновения супервируса в ближайшее время. Ему нет никакого дела до наших выборов, бюджета и госдолга. Я знаю одну сотой доли того, что мы тратим на войну, с лихвой хватило бы для создания системы купирования рисков эпидемии.

– Мы живём в опасном мире и должны себя защищать, – глава МНБ понял, что не добьётся от учёного ничего конкретного. – Давайте поступим так. Я передам доклад своим людям. Они внимательно его изучат и выдадут рекомендации. А потом мы посмотрим, что и как сможем профинансировать уже в этом бюджете.

– Боюсь, пока мы делаем вид, что защищаем себя от вымышленного противника, может появиться враг настоящий, смертельный, от которого не будет никакой защиты.

После разговора Макалистер некоторое время сидел и хмурясь смотрел на лежащий на его столе доклад. По сути, учёный был прав. Но для того чтобы подготовить страну к возможной эпидемии, надо было расчистить Авгиевы конюшни неэффективной, неуклюжей и в корне несправедливой системы здравоохранения, рассчитанной на выкачивание из американцев денег в пользу страховых и фармацевтических компаний. Тем не менее документ был плановый и вопросы, поднятые в нём, требовали реагирования. Значит, он как глава ведомства, отвечающего за внутреннюю безопасность, должен был высказать своё мнение по проблеме готовности страны к полномасштабной эпидемии и предложить план действий. Пусть далеко не такой развёрнутый, как требовал эпидемиолог, но всё же.

В системе МВБ США было Управление по науке и технологиям. В его структуре находился отдел по химическим и биологическим угрозам, а при нём – целый научный центр по тематике. В этот отдел как раз и был распределён документ, подготовленный доктором Ротфилдом, с пометкой «Не приоритет, но требует внимания».

Руководитель отдела полковник Вернер имел научную степень по биологии и слыл человеком дотошным и аккуратным. А ещё он был отставным полковником Корпуса химической, бактериологической и радиационной защиты армии США с хорошими контактами среди воен-

ных учёных и вирусологов из DTRA⁹, с которыми плотно работал над потенциальными угрозами и средствами защиты. Ну и нападения, конечно.

Основываясь на профессиональном интересе и многолетнем опыте, полковник внимательно изучил документ. Как профессионал он пришёл к тем же выводам, что и доктор Ротфилд. Несмотря на экономическую и военную мощь, Америка оказалась практически беззащитна перед серьёзной эпидемией. В то же время он уже несколько лет был государственным чиновником и понимал, какой гигантской инерцией обладает неуклюжий госаппарат и как сложно его сдвинуть в нужном направлении даже при наличии явной и неотвратимой угрозы.

В случае с эпидемией угроза не была явной, да и неотвратимость её могли оспорить добрый десяток именитых вирусологов. К тому же американские политики интересовались судьбой и здоровьем народа, в основном когда это могло поднять их рейтинги. К сожалению, сейчас для этого был не очень благоприятный момент. Президент находился под процедурой импичмента, запущенной демократами, а в следующем году должны состояться выборы. Здоровоохранение, конечно, будет важным и, возможно, даже ключевым элементом предвыборной кампании, но тема по обычаю будет забыта, как только новый или старый президент займёт своё кресло в Белом доме. Поэтому иллюзий насчёт финансирования экстренных эпидемиологических программ у Вернера не было. А вот понимание опасности и реальности угрозы было, и полковник решил развить тему, чтобы подготовить реалистичный план действий, под который можно попробовать пробить хоть какое-то финансирование.

Начать он решил с разговора со штатными вирусологами МВБ из Национального исследовательского центра биоугроз NBACC¹⁰, расположенного в Форт-Детрик, штат Мэриленд. Получив соответствующие допуски, Вернер договорился с директором о встрече и, прихватив помощника, отправился к учёным.

Комплекс биологических лабораторий в Форт-Детрик был новым, хорошо оснащённым и укомплектованным лучшими в своей области специалистами. К тому же он плотно сотрудничал с несколькими микробиологическими компаниями и военными. В общем, это было вполне логичное место, чтобы получить информацию о статусе биоугроз.

Как выяснилось во время визита, этот статус оказался довольно туманным. Центр отслеживал последние тенденции в области эпидемиологии и проводил исследования с наиболее опасными биообразцами, а также геномное и ситуативное моделирование. Биоматериал приходил в основном от военных с уже отработанной раскладкой по потенциалу опасности и оценкой риска. Были у учёных и собственные модели развития биоугроз на территории США, но ни одна из них не предполагала лавинообразное распространение появившегося естественным путём супервируса. Все сценарии строились на противодействии очаговой биологической атаке террористов с применением уже известных агентов вроде сибирской язвы, чумы или ботулотоксина.

Озадачив аналитиков Центра созданием модели обвальской эпидемии на территории США, полковник связался со своим приятелем, майором Хендерсом, старшим военным вирусологом, руководителем одной из лабораторий комплекса LSTF¹¹, расположенного на особо секретном полигоне в штате Юта. По счастливой случайности тот оказался на пути домой из командировки в Грузию, где у Пентагона была исследовательская лаборатория в Лугаре по разработке нетипичных боевых биоагентов. Его рейс должен был завтра приземлиться в Нью-Йорке. Стыковка с самолётом на Юту была короткой, но полковник попросил перебронировать рейс, чтобы выкроить пару часов для обеда где-нибудь в тихом местечке.

---

⁹ Defense Threat Reduction Agency – Агентство Минобороны США, отвечающее за вопросы безопасности населения, связанные с оружием массового поражения.

¹⁰ National Biodefence Analyses and Countermeasures Center – Национальный центр анализа и противодействия биоугрозам.

¹¹ Life Sciences Test Facility – комплекс засекреченных лабораторий Минобороны США, занимающийся производством и тестированием бактериологического оружия. Расположен на сверхсекретном полигоне Дагвей в штате Юта.

Несмотря на долгий перелёт и разницу часовых поясов, Хендерс выглядел бодро и излучал сплошной позитив.

– Ты так светишься, будто Нобелевку получил, – Вернер чокнулся с приятелем пивом. Они сидели в небольшом, но вполне приличном ресторанчике в отеле недалеко от аэропорта.

– А чего мне грустить? – плеснув пеной на стол, поднял тот свой бокал. – Дела идут. Пенсия скоро. У меня ведь опасное производство. Год за три, как на войне. Если бы не эта долбаная пустыня в Юте и невыносимый режим безопасности, видит бог, я бы ещё поработал. Мы там такие вещи творим, не поверишь! Ещё пару лет назад об этом даже мечтать не могли.

– И что же вы там делаете такое особенное? – Вернер отхлебнул пива, бросил в рот горсть солёных орешков

– Секрет.

– У меня допуски.

– Да хрен с ними с допусками. Нашего уровня ты всё равно не получишь. Ты и сам должен быть в теме. У тебя ведь свой научный центр.

– Мой центр направлен на защиту, а вы работаете над боевыми агентами. У нас разные цели.

– Брось! Цели у всех одни. Сделать что-то, чтоб выкосило китайцев, русских и иранцев, а нас не тронуло.

– И как прогресс?

– Прогресс есть. Работаем над синтетикой¹². Рекомбинируем, тестим, но для прорыва не хватает отработанной технологии манипуляции активными белками. Мы вроде как уже нашли дверь, за которой огромный успех, даже заглянули в замочную скважину, чтобы его оценить, а вот открыть не можем. Ключа нет. Биохимики запаздывают. Думаю, через год-два будет прорыв.

– Заразите вы нахрен всех своей дрянью, – покачал головой полковник.

– Извини, старик. Такая работа. Мы с тобой всегда были по разные стороны баррикад. Я атакую, ты защищаешь, – развёл руками Хендерс и внимательно посмотрел на коллегу. – Ты просто поболтать приехал?

– Считаю, что это было вступление, – улыбнулся Вернер. – Нам главный федеральный эпидемиолог модельку одну подкинул. Грустная такая моделька.

– Ротфилд что ли? Он нас уже достал проверками. Все боится, что какая-нибудь химера вырвется из лабораторий наружу.

– Думаю, его опасения вполне оправданы.

– Ты серьезно? Старик! У нас лаборатория 4-го максимального уровня биозащиты. Замкнутый цикл. Система шлюзового допуска к патогенам с десятком дезинфицирующих процедур. Персонал работает посменно. Две недели закрыты на объекте. Две недели отдых с семьёй. После каждой смены двухдневный карантин под строгим меднадзором. Я уже не говорю про изоляцию рабочих мест и средства личной защиты. Через такую систему не то что вирус, молекула кислорода не просочится. А твой эпидемиолог просто параноик. Что он удумал на этот раз?

– Говорит, что мы совершенно не подготовлены к серьёзной эпидемии.

– Правильно говорит, – приятель подождал, пока официант поставит перед ним огромную тарелку с пластом свиных рёбрышек барбекю и внушительной горкой жареного картофеля. – М-м-м... Родная еда. Там, на Кавказе, тоже всё вкусно, но не то. Как будто у арабов. А тут! – он отрезал ребро, взял его руками и, с восхищением вдохнув аромат, откусил. – Так вот. Ротфилд хоть и зануда, но абсолютно прав. Пентагон об этом ещё в 17-м году писал, и ЦРУ в каждом своём годовом докладе по угрозам отмечает эпидемию как опасность первого

---

¹² Синтетическими, искусственно сконструированными микроорганизмами с заданными характеристиками.

уровня. Тебе ли не знать, в каком виде у нас медицина. Ты прикинь в уме. На страну в 360 миллионов всего 750 тысяч больничных коек. Это чуть больше чем по две койки на тысячу. Кстати, полвека назад этот показатель был в 5 раз больше. А аппаратов искусственной вентиляции лёгких всего 65 тысяч. Ты помнишь процент летальности в 2002 во время атипичной пневмонии, вызванной SARS? Почти 10 процентов. Причём все пациенты прошли через искусственную вентиляцию лёгких и реанимацию. Так представь, что похожая по вирулентности хрень накрыла США сейчас, и посчитай, сколько мы сможем спасти, а сколько будем вынуждены оставить умирать по домам. И это в том случае, если будем оказывать помощь всем. Но у нас в основном страховая медицина. Бизнес, цель которого не лечение людей, во всяком случае не всех, а генерирование прибыли. Богатых-то мы вытянем. А вот 60 миллионов самых бедных американцев не имеют страхового покрытия, значит помощь им под вопросом. А теперь посчитай. Если эпидемия накроет десятую часть американцев, из них 10 процентам понадобится реанимация с ИВЛ, то нам нужно 3 миллиона 600 тысяч реанимационных коек. Даже если военные и МВБ развернут временные лагеря и вскроют резервы, вы сможете обслужить от силы 800 тысяч сложных пациентов при условии, что лёгкие будут болеть дома. Это только по койкам. Я не говорю про аппараты ИВЛ, которых, считай, вообще нет. 60–70 тысяч на 3,6 миллиона нуждающихся – это ничто. А лекарства? А средства индивидуальной защиты? Маски, костюмы, антисептики? Тут я не знаю цифр, но смею предположить, что с ними у нас так же, как и с остальным – полная задница. А ещё представь панику населения, когда выяснится, что помощи от государства ждать не приходится. Карантин, погромы, перекрёстное заражение, экономика стоит. Полиция, экстренные и медслужбы выкошены вирусом. Хаос! Так что Ротфилд прав. Мы не готовы к полномасштабной эпидемии.

– Ну это я и сам знал, – Вернер отрезал кусочек от своего стейка и отправил в рот. – К серьёзной эпидемии не готова ни одна страна в мире. Мой вопрос к тебе как к спецу по боевым биоагентам: какова вероятность, что супервирус появится в ближайшее время?

– Ты узко копаешь, приятель. Не только супервирус. Есть ещё резистентные к антибиотикам бактерии. И очень агрессивные грибки, лекарств для которых тоже не существует. Любой из этих агентов при благоприятном стечении обстоятельств может вызвать катастрофу. Климат сейчас теплеет. Природные зоны смещаются на север. К нам с юга лезет столько всякой хрени, ты даже представить себе не можешь. И каждый вид несёт свой набор микроорганизмов. Риск того, что какой-нибудь зооноз¹³ пробьётся в человеческую популяцию, не имеющую к нему иммунитета, очень велик. Особенно в странах с неразвитой медициной в Юго-Восточной Азии, Африке или Южной Америке. А оттуда один рейс в Штаты и всё – катастрофа.

– Как бы ты действовал?

– Не знаю, – Хендерс надолго приложился к пиву и, промокнув губы салфеткой, продолжил: – Самый простой вариант – молиться. Более сложный – мониторить вирусную ситуацию в мире в надежде на дальних подступах обнаружить патоген на ранней стадии входа в популяцию и сразу принять жёсткие превентивные меры. Диагностика, вакцины, препараты, социальные ограничения.

– Насколько плотно ты работаешь с вирусами? Из тех, что имеют наибольший эпидемиологический потенциал вроде гриппа и коронавирусов, – поинтересовался полковник.

– Совсем не работаю. Мы под временным мораторием Конгресса. Госструктурам нельзя модифицировать вирусы, уже гуляющие по нашей популяции. А изобретать компьютерные модельки и играть на экране с геномом без лабораторных работ – дело совершенно бесполезное. Мы не знаем, как и откуда придёт мутация, которая превратит зоонозный вирус в убийцу. Может, из джунглей, а может, из лаборатории. Прогнозы не наш профиль. Мы работаем с син-

---

¹³ Зоонозы – группа инфекционных заболеваний, естественным резервуаром для которых являются животные.

тетикой, ну и с экзотикой вроде Эболы, Дэнге или Западного Нила. В последнее время занялись грибками. Тут вообще поле непаханое.

– Подожди с грибками, – остановил приятеля Вернер. – Вы госпрограмма. Вам нельзя трогать человеческие вирусы. Но частники у вас ведь есть.

– Вот ты въедливый стал. Ладно. Дам тебе наводку, – Хендерс с видом опытного шпиона оглянулся по сторонам. – Есть у нас одна конторка. Называется Ясон. Вроде герой такой греческий был. Руководит ей бывший босс научно-технического отдела ЦРУ. Вирусами занимаются именно они. Причём, если обычно на такие исследования выделяются гранты на уровне 10–20 миллионов, то у них бюджет аж под 800.

– Может, банальный распил? Генералов и цэрэушников откатами кормят.

– Может и распил. Но даже если предположить, что они воруют половину, то 400 миллионов у них остаётся. А это, старик, охрененные деньги для микробиологии. У нас бюджет в 5 раз меньше. А мы, между прочим, ведущий центр по биооружию в Министерстве обороны.

– Тут ты прав. Хотелось бы больше деталей.

– Нет у меня больше деталей. Ясон работает напрямую с Пентагоном. Все согласования там. На наш полигон приезжают только для испытаний. На это время все работы прекращаются и персонал отправляют в отпуск. Оплачиваемый, заметь. Прошлый раз были у нас в феврале. Испытания проводились в павильоне имитации городских условий на 80 добровольцах. Мужчины и женщины разного возраста и расовой принадлежности. Ну как добровольцах... Заключённых, которым пообещали скостить сроки. Результатов не знаю. Зато, что наш крематорий, где мы сжигаем заражённых подопытных животных, в конце их испытаний работал почти сутки. После приехала спецбригада и два дня всё дезинфицировала.

– Ничего себе. Видно, серьёзные ребята.

– Есть ещё одна инфа по Ясону, – Хендерс отодвинул тарелку и, навалившись локтями на стол, наклонился вперёд. – Помнишь, 4 года назад группа учёных выложила в открытый доступ, что им удалось скрестить вирус SARS-CoV, спровоцировавший атипичную пневмонию 2003-м, и вирус от китайской подковоносой летучей мыши. Сделали они это, внедрив поверхностный контактный белок SHC014 от мыши в уже гулявший по нашей популяции вирус, чтобы тот имел возможность прикрепляться к клетке человека. Тогда ещё все наехали на них, типа, создаёте опасную химеру, и ребята свернули исследования и пропали с радаров. Так вот, трое ключевых учёных из той команды сейчас работают на Ясон.

– Чёрт! – выругался полковник. – Это значит, исследования продолжаются. И, судя по испытаниям на вашем полигоне, они уже в финальной стадии.

– Что это значит решай сам. У нас они могли тестировать всё, что угодно.

– Спасибо за наводку, старина, – кивнул Вернер с благодарностью. – Я хоть знаю теперь, в каком направлении копать.

– Не лез бы ты в это дерьмо, – посоветовал Хендерс. – ЦРУ – контора мутная. Не вышло бы беды.

– Беда будет, если такие исследования будут вестись без контроля, – хмурясь пробурчал полковник. – Но не будем о грустном. Как тебе рёбра барбекю? Ещё по пиву? Я плачу.

Приятели посидели ещё полчаса, поболтали о пустяках. Потом вызвали такси до аэропорта и каждый из них отправился на свой рейс.

В самолёте по дороге в Вашингтон Вернер размышлял над тем, что услышал несколько часов назад. Привлечение частных подрядчиков для исследований было делом обычным и широко использовалось всеми госструктурами. Особенно часто прибегали к такой схеме военные и ЦРУ, когда надо было, не привлекая внимания, разработать какую-нибудь не совсем законную или не вполне отвечающую принятым этическим нормам тему вроде генетических модификаций, создания оружия нового поколения или как в случае с Ясоном, который как раз подходил под оба этих параметра. Очень настораживал бюджет. Даже если предположить

коррупционную схему, то получались вполне солидные деньги, которым, как правильно сказал Хендерс, позавидовал бы любой научный центр. Значит, исследования того стоили.

Немного поразмышляв, полковник открыл свой ноут и вошёл в объединенную базу данных силовиков. В строчке Ясона красовалась вполне ожидаемая надпись: «Секретно. Информация закрыта в интересах национальной безопасности». Он ввёл код своего допуска и открыл файл. Контора оказалась довольно солидной. Только штатных сотрудников было почти полтысячи, причём, судя по штатному расписанию, две трети работали в службе безопасности, из-за чего Ясон напоминал, скорее, частную военную компанию, чем научно-исследовательскую организацию в области микробиологии. Наличие собственной секьюрити такого уровня не могло не настораживать. Впрочем, этому нашлось частичное объяснение на следующей странице электронного досье. Компания имела лаборатории в десятке стран на всех континентах. Это также могло объяснить и такой солидный бюджет. Вернер просмотрел список научных локаций: Украина, Молдова, Польша, Казахстан, Вьетнам, Бирма, Австралия, Судан, Конго, Гватемала, Бразилия. «Обширная география», – покачал головой полковник и, открыв страницу со списком исследований, выругался. Для доступа к информации требовался допуск самого высокого уровня, который могли выдать всего несколько человек в Белом доме, и даже глава МВБ не относился к их числу.

Кисло ухмыльнувшись, Вернер захлопнул крышку ноутбука и надолго задумался. С одной стороны, ему вроде бы не было никакого дела до Ясона и того, чем он занимается. Наверняка там собраны профессионалы своего дела, способные обеспечить высший уровень режима безопасности биологических лабораторий, с тем чтобы ни один патоген не вырвался наружу. С другой... Контора работает под крышей ЦРУ, к которому доверия – ноль. Кто знает, что творится в головах у шпионов. Может, они целенаправленно ведут исследования боевых вирусов, сами не представляя их потенциальной опасности. Он припомнил вспышки SARS, MERS и Эболы. Во всех случаях вирус перескочил от животного к человеку не напрямую, а через некое связующее звено. У первого начальным резервуаром вируса была китайская куница, у второго – летучие мыши, затем – верблюды. Но и у тех, и у других вирус находился в форме, которая не могла самостоятельно быстро внедриться в человеческий организм. Такая же история наблюдалась и с Эболой. Значит, во всех эпизодах существовало ещё одно звено, превратившее животные вирусы SARS и MERS в человеческие SARS-CoV и MERS-CoV. Ни в одном случае прошлых эпидемий вирусологи так и не смогли найти это переходное звено, несмотря на огромные усилия. Учитывая сколько сил и средств в разных странах было вложено в изучение вопроса, данное обстоятельство казалось по меньшей мере странным и служило основанием для различного рода предположений об искусственном происхождении этих патогенов.

Чем больше Вернер размышлял, тем тревожнее становилось у него на душе. В памяти всплыли сюжеты апокалиптических фильмов про смертоносные эпидемии, которые за последний десяток лет в обилии наштамповали киношники. От вполне реалистичных про известные болезни до полуфэнтезийных о нашествии зомби или мутантов. Он чётко понимал, что со своей позиции мало что может сделать без поддержки главы МВБ и дополнительных полномочий, и решил по прилёту составить отчёт, способный привлечь его внимание к проблеме. Даже если придётся немного сгустить краски.

* * *

Доклад действительно получился мрачный. Настолько, что глава МВБ лично вызвал Вернера с разъяснениями.

– Послушайте... Я понимаю – Ротфилд. Он главный федеральный эпидемиолог. Ему по статусу положено жути нагонять. Но вы-то, опытный офицер РХБЗ¹⁴ и госслужащий со стажем, должны понимать, что такие цифры никто даже рассматривать не будет, – босс перелистнул несколько страниц документа. – 5 миллионов заражённых. 500 тысяч смертей. И это в оптимистичном варианте. Не слишком ли вы сгущаете краски? Если я приду в Белый дом с таким документом, меня там просто не станут слушать.

– Вирусу всё равно, будут вас слушать в Белом доме или нет, – Вернер с вызовом взглянул в глаза начальнику. – Он начнёт свою смертельную жатву вне зависимости от мнения военных, учёных или политиков. Все, с кем я говорил, утверждают, что эпидемия неизбежна. То же мнение было высказано в нескольких годовых докладах Пентагона и ЦРУ. Разведсообщество настроено ещё более пессимистично. Аналитики из NCBI¹⁵ вообще предполагают, что мир уже стоит на грани серьёзной пандемии.

– Знаю я этих аналитиков, – раздражённо махнул рукой босс. – Им бы побольше жути нагнать, чтобы бюджеты повысили. Тот же NCBI претендует на роль биологической разведки, а для этого у них нет ни людей, ни опыта, ни ресурсов. А мы с вами практики и действовать должны разумно. Соизмеряя наши шаги с реальными возможностями.

– Вирусу наплевать на наши возможности.

– Фуф-ф... – выдохнул глава МНБ, видя, что спорить с подчинённым бесполезно. – Давайте расставим точки над «і». Первое: я полностью разделяю вашу озабоченность по поводу возможности страны адекватно отреагировать на эпидемию. Второе: как и вы, я считаю, что эпидемия может нанести серьёзный экономический ущерб Америке. Но! Если исключить хотелки и не подтверждённые ничем страхи Ротфилда и NCBI, у меня нет достаточных оснований или данных о том, что она может случиться в ближайшее время. А значит, у нас есть время, чтобы подготовиться. К тому же мы не можем даже предположить, какими свойствами будет обладать смертоносный патоген. Я понимаю, вирус наиболее вероятен, но вы сами отметили, что есть ещё не восприимчивые к антибиотикам бактерии и грибки. Поэтому, – он закрыл папку с презентацией и отодвинул её в сторону, – на данный момент я присваиваю вашему докладу статус «Принято к сведению. Нуждается в дальнейшем изучении». Я не могу идти с этим к президенту сейчас. Он меня просто пошлёт. У него совсем другие заботы. Однако это не означает, что разработка темы закончена. Я рекомендую вам создать внутри своего отдела компактную группу, человека три не больше, по мониторингу вирусной ситуации в мире. Я обеспечу ей нужные допуски к информации и аналитике из всех доступных источников, а также широкую поддержку в разведсообществе и госдепе. Группой будете руководить лично. Всё максимально засекретить. Я не хочу, чтобы ваши люди сеяли панику, если кто-то где-то не так чихнул. По результатам работы группы каждую неделю краткий отчёт мне на стол. Таким образом у нас будет свой, не зависимый от военных и разведки инструмент мониторинга ситуации.

– Спасибо, сэр, – благодарно кивнул головой Вернер, который не ожидал, что босс переведёт его теоретические изыскания во вполне практическую плоскость, пусть даже в таком весьма ограниченном виде.

– Дальше... – глава МНБ на секунду задумался. – Я дам вам один личный контакт. Это человек из Управления по борьбе с наркотиками. Он руководит отделом разведки. Да-да. Не удивляйся. Есть у них такой отдел. И, должен сказать, работают там ребята поумнее и поопытнее, чем в ЦРУ. Эти совсем испортились в последнее время, и многие опытные кадры перешли

---

¹⁴ Корпус радиационной, химической и бактериологической защиты армии США.

¹⁵ NCBI – National Center for Biotechnological Information. Национальный центр биотехнологической информации США. Информационно-аналитический орган, занимающийся отслеживанием и прогнозированием развития биотехнологий.

из Лэнгли в DEA¹⁶. Так вот, у наркоразведчиков есть довольно широкая агентурная сеть. Сам понимаешь, следить за потоками наркоты, отслеживать баронов и международных дилеров – работа непростая. Я могу поговорить с министром юстиции, он мой давний приятель, и запустить совместный проект по сбору биообразцов потенциально опасных биологических агентов со всего мира. Если кто-то где-то чихнёт или кашляет, оперативники достанут образцы, не знаю – слюны, соплей или чего ещё надо микробиологам. Как они добудут биоматериал, неважно. Ваша задача – указать им место и цель. Как раз это и очертим задачей вашей новой секретной группы. Затем образцы будут доставлены в наши лаборатории в Форт-Детрик для анализа, изучения и оценки угроз.

– Хорошая мысль, – одобрительно покивал Вернер.

– Честно скажу, мысль не моя. Китайцы занимаются этим уже лет десять. После вспышки свиного гриппа в 9-м году у них создано целое управление биологической разведки. Работают профессионально и через выделенную агентуру, и через бригады врачей, которых они в виде гуманитарной помощи рассылают в бедные страны. Активны и у нас, и в Европе. Мониторят ситуацию на месте. Собирают биоматериал вплоть до людей и животных. Так что китайцы не просто на несколько шагов нас опережают, они ушли далеко вперёд.

– Не знал, – удивился полковник. – Может нашим разведчикам тоже заняться?

– Кому? ЦРУ? Военным? – скептически хмыкнул полковник. – Они сами по уши в секретных биолaborаториях. Всё супероружие готовят. Если они и найдут что-то интересное, то сохраняют информацию для себя. А DEA – контора нейтральная, нацеленная на защиту Америки от наркоты. Им как раз будет в тему этим заняться. Если у нас выйдет достойный совместный проект, да ещё если будет конкретный результат, мы с Минюстом славу пополам поделим. Поступим так. Я предварительно согласую всё с министром. Если он даст добро, перешлю вам по почте контакт из наркоразведки. Дальше действуйте сами. Но держите меня в курсе.

От встречи у Вернера остались двойственные чувства. Он видел, что босс понимает масштаб угрозы, но был удивлён его нежеланием донести риски до Белого дома. В то же время его предложение о создании собственной группы по мониторингу эпидемиологической обстановки в мире говорило, что глава МВБ воспринимает ситуацию со всей серьёзностью. Возможно, нежелание давать ход документу было связано с политическими играми внутри Администрации, возможно, с чем-то ещё. Полковнику не очень хотелось разбираться в деталях. По большому счёту он был доволен исходом совещания. Если в его распоряжении появится инструмент с функциями биоразведки, он через некоторое время сможет подготовить более основательный документ, подкреплённый достаточным количеством фактов. Такой, чтобы нельзя было отложить в долгий ящик. К тому времени предвыборная лихорадка уже закончится. Президент наверняка пойдёт на второй срок, и в более спокойной обстановке до него будет гораздо проще донести свои идеи.

С такими мыслями Вернер вернулся в офис, где его ждало сообщение от Хендерса из комплекса военных лабораторий в Юте: «Есть продолжение разговора. Я заступил на смену. Освобожусь через 2 недели». Полковник отписался коротким «Спасибо. Буду ждать. Ужин с меня» и занялся подбором людей для группы биомониторинга.

Июнь 2019. Китай. Пекин. Управление военных космических программ

Для того чтобы изменить траекторию зонда «Куай Тунь» так, чтобы он шёл вслед за кометой, понадобилось больше недели и почти весь запас энергии маневровых и основных двигателей. За это время космическая странница ушла далеко вперёд, но «Ласточка», получив значительное ускорение, её медленно, но верно догоняла.

---

¹⁶ Drug Enforcement Administration (DEA) – Управление по борьбе с наркотиками. Агентство в составе Министерства юстиции США.

Сейчас аппарат находился на расстоянии устойчивого визуального контакта с кометой, что позволяло провести предварительный дифракционный анализ её шлейфа. По современным меркам, оптика зонда была не очень продвинутой, но даже она показала наличие линий углерода и кислорода. Джоу несколько раз вручную активировал газоанализатор, но если в космосе и были какие-то следы шлейфа, то чувствительности сенсоров явно не хватало для того, чтобы их обнаружить на таком расстоянии. По расчётам «Ласточка» должна была выйти на рабочую дистанцию через 8 дней. До этого времени наблюдение шло в пассивном режиме.

Монотонность и томительное ожидание результатов нарушил доктор Ши, который собрал небольшое совещание всех, кто был задействован в программе наблюдения за кометой. Объект получил внутреннюю рабочую классификацию «Персей-0519», потому что был впервые зафиксирован телескопами аппарата наблюдения в созвездии Персея в мае 2019 года.

– Коллеги, – глава программы дальнего наблюдения включил проектор и вывел на экран схему Солнечной системы, на которой была отмечена траектория «Персея», идущая к Солнцу под углом в 45 градусов в северной полусфере эклиптики. – У нас есть новости по нашей госте. Первое. Аппарат дальнего обнаружения провёл общий спектральный анализ объекта и подтвердил наличие в его ауре элементов, способных составить органические молекулы. Всех, кроме азота. Его сигнатура не читается на фоне двухатомного углерода. – Ши вывел на экран похожую на цветной баркод спектрограмму, где метками были отмечены маркеры элементов. – Второе. По данным спектрограммы мы можем приблизительно оценить качественный состав, то есть пропорции этих элементов. Такая работа была проделана искусственным интеллектом на основе данных, полученных с аппарата дальнего обнаружения, и тех, что пришли с «Куай Тунь». Их результат ошеломляет. Наиболее вероятной комбинацией является органическое соединение, похожее на РНК – рибонуклеиновую кислоту, содержащуюся в клетках живых организмов и отвечающую за кодирование, прочтение и регуляцию генов.

– Это невозможно. Скорее всего, какой-то сбой. Органика в открытом космосе существовать не может. Жёсткое излучение разложит сложные молекулярные цепочки на атомы, – бросил скептическую ремарку пожилой авторитетный астрохимик. – Не очень я верю электронным мозгам. К тому же у нас нет подтверждения азота – основного элемента органических молекул. Да и полагаться на данные «Ласточки» мы в полной мере не можем.

– Сбой в программе искусственного интеллекта и неверное прочтение спектрограммы вполне возможны. Но, даже если сделать скидку на нечитаемость азота, у нас 4 замера от двух разных аппаратов, подтверждающих наличие атомов, способных составить органические молекулы. Мы ещё раз загрузили исходные данные в нейросеть. На этот раз использовали не нашу, а Министерства обороны. И вот результат, – Ши кликнул мышкой, и на экране сменился слайд. – Выводы почти те же с расхождением всего в несколько процентов. Вероятность органики в шлейфе вопреки всем факторам, таким как наличие ядовитого циана и двухатомного углерода, очень высока.

– Вы как учёный должны понимать, что наличие органики в шлейфе из циана невозможно. Это экстремально токсичное вещество. Оно просто убьёт органику. К тому же «Персей» прилетел из дальнего космоса, где, как я уже сказал, жёсткое излучение разложило бы сложные молекулы на атомы, – не очень уверенно возразил астрохимик. – Такой комбинации элементов может быть другое объяснение.

– Согласен. Может. И наша задача – его найти. Но если нейросеть права, то мы стоим на пороге величайшего открытия современности. Возможно, мы нашли в космосе не просто атомы, способные составить органическую молекулу, а целостную структуру, напоминающую РНК, которая может нести из-за пределов Солнечной системы некий генетический код. Китай должен быть первым, кто этот код получит и расшифрует. Если это органика, то ставки предельно высоки. Пока у нас есть серьёзная фора. Наш аппарат первым обнаружил «Персея» в дальнем космосе. Сейчас комета находится слишком далеко, чтобы её засекли орбитальные

телескопы США или России. Вероятнее всего, остальные узнают о «Персее» только тогда, когда он подойдёт достаточно близко к Солнцу и будет светиться отражённым светом. По расчётам, это произойдёт в декабре. У нас есть полгода для того, чтобы изучить объект самостоятельно. И самое главное, у нас есть аппарат, способный взять образцы шлейфа и провести максимально точный анализ.

– Зонд довольно старый. Боюсь, мы не сможем получить больше информации, чем в первом тесте, – высказал свои сомнения Джоу. – Хотя газоанализатор довольно точный и работает исправно. А вот пакет обслуживающих программ...

– Если сенсоры справятся, то пакет программ для анализа мы сможем достаточно быстро усовершенствовать и загрузить в бортовой компьютер зонда, используя аппарат дальнего обнаружения как ретранслятор, – немного подумав, отреагировал Ши. – Насколько я знаю, мы выйдем на дистанцию сбора образцов через восемь дней. Этого времени должно хватить. А пока проект получает гриф «Совершенно секретно». Все, кто работает над «Персеем», подпишут дополнительные самые строгие обязательства о неразглашении. Завтра утром я представлю команде специалиста, который займётся разработкой нового пакета программ анализа данных.

– Хочу сказать, что в Управлении дальних космических программ над обслуживающим пакетом работала группа из 4-х человек на протяжении нескольких месяцев, – извиняющимся тоном вставил комментарий Джоу, который по должности и по возрасту в команде был самым младшим.

– Да? – удивлённо поднял брови доктор Ши и уверенно заявил: – Этот справится один и гораздо быстрее. Он «индиго» – специально отобранный и выращенный по особой программе гениальный ребёнок. Готовьтесь принимать работу через пару дней. Так что у вас хватит времени ещё и протестировать программы. К тому же в его распоряжении будет наша нейросеть.

Айтишник, на следующее утро представленный по видеосвязи главой программы дальнего наблюдения, выглядел как бомж, которого только что изъяли из дальних пригородов Пекина, где обитает небогатый китайский пролетариат, только что покинувший свои сёла в поисках городского счастья. Рассеянный, худой, с растрёпанной шевелюрой и вдобавок во всему одетый в старый заношенный свитер, он совсем не вписывался в образ сотрудника Военно-космического агентства. Но, несмотря на неопрятный вид и кажущуюся рассеянность, к удивлению группы, парень через три дня представил первый вариант улучшенного пакета программ. После короткого обсуждения и десятка дополнительных пожеланий молодой гений в течение суток закончил работу и исчез.

Понудившись быстроте и эффективности программиста, группа решила его отблагодарить, но доктор Ши сказал, что тот пока не доступен, и на не совсем уместный вопрос «Почему?» ответил, что тот спит. Оказалось, что молодой гений работал в связке с суперкомпьютером 4 дня почти без отдыха. Такой режим истощил его силы, и личный военный медик ввёл его в режим реабилитации, предполагавший длительный сон, сеансы гипноза, восстанавливающий массаж и традиционные китайские лечебные процедуры вроде иглоукалывания, термо- и ароматерапии.

Оставшиеся 4 дня до выхода «Ласточки» на рабочую дистанцию новый пакет программ тестировали на модельном образце газоанализатора с упором на настройку сенсоров для анализа сложных органических молекул. Тесты были многообещающими и значительно повышали шанс того, что в результате удастся получить более подробную картину химсостава шлейфа кометы и даже выявить целевые структуры вроде органики.

Тем временем зонд, постепенно теряя скорость, неуклонно нагонял комету. Газоанализатор в пассивном режиме уже начал фиксировать следы циана и двухатомного углерода. Для того чтобы накопить достаточно энергии для полноценной работы, Джоу выключил почти всё вторичное бортовое оборудование и полностью перевёл генерацию на зарядку аккумуляторов.

За двенадцать часов до начала заполнения газоанализатора доктор Ши собрал группу на заключительное совещание, чтобы ещё раз пройти по процедуре и донести до всех важность и ответственность момента. На этот раз по видеосвязи из реабилитационного центра ко всем присоединился и удививший своими необычными талантами программист. Несмотря на 4 дня отдыха, он выглядел таким же растерянным, неопрытым и немного помятым, как после бурной вечеринки. Без особого интереса выслушав слова благодарности, он не стесняясь зевнул и, отхлебнув энергетика, спросил:

– Я понимаю все эти танцы с бубнами вокруг кометы. Органика и всё такое. Но почему вы не возьмёте образцы и не доставите их на Землю. Ну, в смысле, на орбиту. Они ведь сохранятся в газоанализаторе. Насколько я помню, там есть режим герметизации.

– Э... Молодой человек, боюсь, вы не совсем понимаете... – начал было пожилой астрохимик, но Ши остановил его резким движением руки.

– Что вы имеете в виду коллега? – задал он вопрос уважительным и даже вкрадчивым тоном.

– Ну, типа, у вас же рядом с кометой аппарат. Набрали полный заборник газоанализатора, включили режим герметичности и отправили аппарат к Земле.

– У нас для этого недостаточно энергии двигателей, – прошептал Джоу, но глава программы снова раздражённо махнул рукой и уточнил:

– Поясните как?

– Я тут пока валялся с полной задницей иголок и дышал всяким шаолиньским кумаром, припомнил схему зонда, – молодой человек снова широко зевнул и, расслабленно почесав за ухом, продолжил: – Радиоизотопный термоэлектрический генератор зонда оснащён небольшой аварийной системой охлаждения на жидком азоте. Система почти не использовалась. По моим подсчетам, часть азота перешла в газообразное состояние. Это создало избыточное давление на уровне 15 бар, которое скопилось в компенсирующей бачке. В нём есть выпускной клапан для аварийного стравливания давления. У клапана два режима: автоматика и ручное управление с Земли. В маневровых двигателях осталось 2 процента мощности. Этого хватит, чтобы сориентировать зонд в нужном направлении. Затем вы открываете клапан и получаете мощную реактивную струю. Её энергии будет достаточно, чтобы направить аппарат в сторону Земли. А там наша гравитация его подхватит и затащит на орбиту. Ну а с орбиты его можно снять кораблём или возвращаемым спутником. Или ещё чем-то. Правда, после таких действий реактор без системы охлаждения работать не будет, но я понял, вы этот аппарат уже всё равно списали. Зарядки аккумуляторов для работы маяка хватит на год, даже без реактора, так что отслеживать вы его сможете без проблем. Я тут набросал схемку, – он развернул перед камерой салфетку с нарисованным от руки чертежом. – Сейчас зонд вот в этой точке. Если её спроецировать на эклиптику, то где-то почти над Марсом, который сейчас стоит очень удачно. Если запустить аппарат через две недели, то он получит гравитационное ускорение от Марса и через 74 дня попадёт в гравитационное поле Земли. Она как раз будет находиться вот здесь. Правда, после прохода Марса понадобится ещё одна корректировка траектории. Но для этого можно оставить немного азота и энергии в маневровых двигателях. Через 81 день зонд войдёт на нашу орбиту вот с этими параметрами, – программист перевернул салфетку другой стороной, и все увидели, что она убористо исписана расчётами. – Я тут всё уже в уме прикинул. Ну а дальше решайте сами, как его на Землю доставить.

– Гениально! – выдохнул астрохимик.

– Послушайте, коллега, – стараясь не показать волнения, проговорил доктор Ши. – Вы эту салфетку отложите куда-нибудь. Мы обязательно обсудим вашу идею. Я думаю, нам понадобятся более точные расчёты. В этом случае мы попросим вас поработать с нами ещё недельку.

– Обсуждайте, – безразличным тоном ответил молодой человек. – С вами работать интересно. Космос. Внеземная жизнь. Не то что с генералами траектории ракет и сценарии ядерных ударов просчитывать. Тоска. Я космос люблю. Звёзды. Инопланетяне всякие.

– Вы сказали внеземная жизнь, – осторожно переспросил Джоу.

– Ну да. Вы же нашли сложную органику. Я тут впольсилы прикинул... Судя по спектрограмме, этот фрагмент без сомнения органика, причём белковая. Скорее всего, это отпечаток аминокислоты. Это видно по разнесению элементов на амино- и карбоксильную группы. Думаю, вам не надо объяснять, для чего служат аминокислоты. Не знаю, чего вы стесняетесь? Перед вами на блюдечке лежит доказательство теории панспермии. Того, что жизнь на Землю была занесена из космоса.

– Данные, полученные из нейросети, не позволяют сделать однозначный вывод, – не скрывая сомнения, высказался астрохимик. – Это всё ещё требует подтверждения.

– Подтверждайте. Заигрались вы с железками. Я и генералам то же говорю. Суперкомпьютер – это просто продвинутый калькулятор, какие бы программы вы в него не совали. Пока человеческий мозг не заменит ничто, – молодой человек красноречиво постучал себя пальцем по лбу. – Говорю вам... Вероятность того, что это аминокислота, 76,3 процента. Если ваша нейросеть выдаст кардинально другие цифры, я готов проставить ей пиво.

– Но как белковая органика смогла сохраниться в шлейфе из циана. Это ведь ядовитый газ.

– Я не биохимик. Но могу предположить, что такое возможно. Споры ведь могут выдерживать и экстремальный холод, и жёсткое излучение. Может, тут как раз спороподобная капсулированная структура. Мы нихрена не знаем, что творится в космосе. А если ваша комета и не комета вовсе, а космический корабль или капсула с семенами жизни, а облако циана – это защитная оболочка. А что? Аура постоянной плотности. Удерживается гравитацией ядра кометы. Циан с двухатомным углеродом способен блокировать часть жёсткого излучения.

– Ну, это уж совсем смелое предположение, – развёл руками астрохимик.

– Ладно. Я просто фантастику люблю. А тут в реале всё. Вы там разбирайтесь сами. Если нужна помощь, обращайтесь, – безразличным тоном заявил молодой гений и отключился.

– Это невероятно! – восхищённо всплеснул руками Джоу. – Как он так? «Я, типа, впольсилы поразмышлял» и – бац! На тебе. Решение с использованием системы охлаждения реактора в качестве реактивного двигателя. Бац ещё раз – и аминокислота. Гениально! Просто гениально! Только странный он какой-то.

– Все по-настоящему гениальные люди немного странные, – задумавшись заявил доктор Ши. – Этот стоит целого института учёных. Ему прощается всё: и грязный свитер, и дворовый жаргон. Самое интересное, что этот парень практически никогда не ошибался. Он как будто подключён к неведомому источнику вселенской информации. Боюсь предположить, но его версия об аминокислоте может оказаться вполне реальной.

Дальше совещание прошло в укороченном режиме. Группа быстро обсудила протоколы работы систем «Ласточки» во время анализа, получила последние согласования на частоты радиосвязи и разошлась по своим рабочим станциям. А доктор Ши помчался в Министерство обороны, чтобы выбить у генералов ещё неделю времени этого странного неряшливого гения.

* * *

Зонд «Куай Тунь» вышел в расчётную точку поздно вечером. Вся группа собралась в зале Центра управления полётами у главного пульта, на который было передано управление аппаратом. На двух стеновых экранах отражалась трёхмерная схема Солнечной системы с положением кометы, компьютерная графическая симуляция сближения аппарата с «Персеем»

и понятные только специалисту столбцы параметров телеметрии, отражающих статус бортовых систем.

На анимации было видно, что «Ласточка» пересекает широкий шлейф кометы под острым углом и сейчас находится в его первой трети. Даже на таком удалении от Солнца «Персей» отличался необычно большой, но не видимой пока с Земли комой¹⁷, растянувшейся почти на 600 тысяч километров. При текущей скорости зонда он будет находится в шлейфе 11 часов. Этого времени хватит, чтобы простерилизовать газоанализатор аргонем и плазмой, зарядить аккумуляторы и сделать повторный забор вещества в секторе шлейфа с его максимальной концентрацией.

Заметно нервничающий и предельно собранный Джоу сидел за основным пультом управления и проводил последнюю проверку систем по только что полученным с зонда данным. Мелкие неполадки, конечно, были, всё-таки аппарат уже десять лет находился в открытом космосе, но все критически важные для эксперимента узлы работали исправно. Он ещё раз пробежался по столбцам цифр на мониторе и деловым, полным понимания ответственности голосом доложил:

– Господин руководитель программы, космический аппарат дальнего зондирования Тип PZ-11-3 «Куай Тунь» готов к началу научного эксперимента. Все основные системы работают нормально. Пекинское время 22:16. Прошу разрешения запустить иницирующий протокол.

– Запуск иницирующего протокола разрешаю, – громко под запись ответил доктор Ши.

– Пекинское время 22:17. Запускаю иницирующий протокол, – сообщил Джоу, сделав несколько манипуляций с пультом. – Даю команду на последовательность активации газоанализатора через 3..., 2..., 1... Иницирующий протокол отправлен. Ожидаемая обратная связь через 84 минуты.

Радиосигнал с Земли до зонда, находящегося севернее эклиптики с проекцией положения между Марсом и Юпитером, идёт от 35 до 50 минут в зависимости от мощности и напряжённости магнитных полей, связанных с солнечным ветром. На начало эксперимента обстановка в космическом пространстве была средневозмущенной, отсюда и было вычислено время прохождения сигнала.

В зале на некоторое время повисла тишина, затем доктор Ши со своего кресла заявил:

– Обратный сигнал придёт через час двадцать минут. Предлагаю оставить коллегу Джоу у руля. Остальные пока свободны. Соберёмся здесь к расчётному времени.

Первая фаза эксперимента была запущена. Всего таких этапов было три: команда на забор газоанализатору, анализ вещества и передача данных. Весь эксперимент должен был продлиться около 4-х часов с длительными промежутками ожидания, связанными с прохождением радиосигнала.

Несмотря на то что Джоу вполне мог справиться с процессом в одиночку, вся группа осталась в Центре, чтобы лично присутствовать при событии, которое, возможно, будет означать научный прорыв в понимании того, насколько часто жизнь встречается во Вселенной и как она могла появиться на Земле.

Через 1 час 27 минут с зонда пришёл сигнал об активации газоанализатора. Ещё через час – о том, что газоанализатор закрыт, герметизирован и начат процесс анализа вещества с помощью оптико-эмиссионного спектрометра с индуктивно связанной плазмой. Затем «Ласточка» взяла паузу, чтобы бортовой компьютер сжал, закодировал полученные от сенсоров данные и послал их на Землю. Через 47 минут станция национальной системы космической связи в провинции Хэйлундзян получила сигнал и в автоматическом режиме передала его на расшифровку в Центр управления полётами.

---

¹⁷ Облако пыли и газа, окружающее ядро кометы и образующее вместе с ним её голову.

Всё. На этом первая часть активной фазы эксперимента была окончена. Данные с «Куай Тунь» будут расшифрованы и проанализированы в течение 10–12 часов. Сам аппарат вошёл в спящий режим на 8 часов для того, чтобы радиоизотопный термоэлектрический генератор мог зарядить аккумуляторы для второго забора. Несмотря на общее волнение команды, с нетерпением ожидавшей результатов анализа, Ши приказал использовать следующие несколько часов для отдыха.

Группа собралась вместе только утром для того, чтобы наблюдать за запуском второго этапа, который отличался от первого лишь тем, что, заполнив камеру газоанализатора веществом из шлейфа кометы, зонд наглухо её загерметизировал и продолжил движение по нисходящей траектории к орбите Марса. Если полёт будет проходить штатно, через месяц произойдёт коррекция его ориентации в пространстве. В случае успешной стабилизации откроется клапан аварийного сброса давления системы охлаждения, и реактивная струя азота изменит курс «Ласточки» в сторону Марса. По расчётам неряшливого гения, аппарат пройдёт на значительном удалении от красной планеты, но её гравитация изогнёт его траекторию и придаст дополнительное ускорение. Затем остатки энергии маневровых двигателей будут использованы для того, чтобы вывести зонд в расчётную точку пространства, где через 84 дня окажется Земля.

Как перехватить аппарат, пока никто не знал. Но для решения этой проблемы у доктора Ши и его команды было почти три месяца, практически неограниченные ресурсы, предоставленные Министерством обороны, и полная уверенность в том, что «Ласточку» на орбите удастся поймать.

Второй этап эксперимента прошёл так же гладко, как и первый. В 14.31 по пекинскому времени почти через шестнадцать с половиной часов после начала эксперимента доктор Ши объявил, что его программа полностью выполнена. К этому времени результаты расшифровки анализа первого забора вещества были уже готовы. Но, к большому удивлению группы, их не объявили. Вместо этого в Центр управления прибыл немного нервный и непривычно взволнованный замглавы Военно-космического агентства. Он поблагодарил всех за отлично проделанную работу, объявил о выделении её членам солидной премии и о внеочередном оплачиваемом отпуске. Ещё генерал сообщил, что группа фактически расформируется и на контроле идущего к Земле аппарата «Куай Тунь» остаётся только один человек – Джоу Шень. Остальные будут переведены в другие отделы. С этого момента программа входит в режим максимальной секретности. Для её осуществления создан полноценный отдел. Именно он и будет заниматься разработкой и реализацией плана перехвата зонда на земной орбите.

После этого неожиданного объявления генерал забрал с собой доктора Ши и, пожелав всем удачи, удалился вместе со своей небольшой свитой.

Джоу опять оказался один на один со своей «Ласточкой», только теперь в ней почти не осталось жизни. Она неслась в тоскливом одиночестве в космической пустоте к невидимой точке в пространстве, где через 4 месяца будет находиться Земля. Он увидел доктора Ши только через два дня. Тот был серьёзен, немногословен и старался избегать прямого взгляда, ждущего хоть каких-то объяснений молодого учёного.

В этот момент Джоу понял, что произошло событие действительно чрезвычайной важности и что ему не удастся вытянуть из босса ни крупинки информации.

Июнь 2019. США. Вашингтон. Офис МВБ

Как и обещал, Хендерс отзвонился после своей непрерывной двухнедельной смены в лаборатории и следовавшего за ней двухдневного карантина. Они с женой собрались отдохнуть на побережье и заказали спа-отель в курортном городке в Калифорнии. Там и договорились встретиться.

Прикинув, какие объекты МВБ в регионе можно было проинспектировать с позиции его службы, Вернер согласовал командировку и, проигнорировав подозрительные взгляды началь-

ника управления, открыто выражавшего недовольство тем, что его подчинённый напрямую общается с главой ведомства, вылетел в солнечный штат.

К этому времени полковник уже собрал группу из трёх аналитиков и, получив доступ к глобальной программе мониторинга СМИ, запущенной несколько лет назад в АНБ¹⁸, уже успел отправить начальству несколько отчётов. Сбором и первичной обработкой информации занималась мощная нейросеть, в постоянном режиме фильтрующая десятки тысяч новостных сообщений со всего мира, в которых упоминались несколько сотен ключевых слов вроде «эпидемия», «вирус», «инфекция», «микробиология». Затем информация классифицировалась по степени важности, сбивалась в сводки и передавалась аналитикам, которые оценивали её релевантность, отбирали наиболее интересные новости и включали их в отчёты.

Ещё пару дней назад Вернер и представить себе не мог, какой вал новостей обрушится на него по этой теме. Ежедневно по миру фиксировались сотни очагов заражений привычными и не очень заболеваниями вроде ОРВИ, гриппа, малярии или туберкулёза, выходили тысячи научных статей и исследований по микробиологии и вирусологии. АНБ перехватывала десятки тысяч отчётов из больниц и поликлиник, примерно столько же было перехватов телефонных звонков и переписок в соцсетях.

По-настоящему интересных новостей с точки зрения перерастания события в потенциальную угрозу для США было немного. Но в этом и заключался смысл проекта: забросить в глобальное информационное пространство широкий невод в надежде выловить рыбку, способную через некоторое время превратиться в настоящего морского монстра.

Неплохо продвигалась работа и с контактом из Управления по контролю за наркотиками, где к идее добычи образцов отнеслись с пониманием и уже начали выстраивать оперативную процедуру таких действий. В DEA оказалась на удивление разветвлённая сеть агентов, особенно в основных регионах производства и распространения наркотиков, таких как Латинская Америка и Юго-Восточная Азия. В Управлении не видели препятствий тому, чтобы задействовать своих оперативников в случае, если понадобится достать биоматериал для лабораторий Вернера.

В общем, работа началась и, хотя у полковника не было чёткого понимания критериев её успеха, радовало уже то, что он постепенно выстраивал ещё один барьер на пути проникновения заразы в Америку.

* * *

Встреча с Хендерсом, который был большим любителем вкусной еды и пива, по обыкновению прошла в гриль-баре. Поболтав минут десять о всяких мелочах вроде того, что стейки от бычков, выращенных на зерне, совсем не те, что были раньше, когда они свободно паслись в прериях, старые приятели перешли к делу.

– Помнишь, я тебе говорил, что пару месяцев назад компания Ясон использовала наш полигон для испытаний биоагентов на заключённых? – спросил микробиолог и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я не знаю, что у них произошло, но они не забрали с собой все образцы материалов.

– В смысле? – удивился такой небрежности Вернер. – Глубоко зашифрованный подрядчик ЦРУ, работающий над секретными биопрограммами, взял и оставил вам материал?

– Получается так, – пожал плечами учёный. – Для хранения образцов они использовали несколько наших герметичных холодильных шкафов. У каждого свой электронный замок, сигнализация и автономная система дезинфекции плюс автоматическая стерилизации в случае

---

¹⁸ АНБ (англ. NSA – National Security Agency) Агентство национальной безопасности, занимающееся радиоэлектронной разведкой и защитой электронных коммуникаций.

опасности. Стандартная вещь для лабораторий такого уровня. Так вот... Возвращаюсь я на работу после встречи с тобой и по процедуре запускаю количественный и качественный контроль всех контейнеров с патогенами. Раз в месяц, помимо текущего, мы делаем полный аудит всех пробирок. И что ты думаешь? Один из лаборантов приносит мне не числящуюся в нашей базе пробирку без стандартной маркировки, но с логотипом Ясона и надписью от руки «ЕХО 231115». Я просто офигел. Напугал сотрудника, чтоб он никому ни слова, и припрятал пробирку.

– А почему анализ не сделал? – спросил полковник, внимательно разглядывая приятеля.

– У нас все тесты фиксируются. Я ничего постороннего пропустить через систему не могу. К тому же я руководитель и сам не имею доступа к тестовым блокам. Только мои подчинённые. Там раз в месяц надо спецподготовку подтверждать. А мне это надо? Пусть лаборанты с патогенами возятся. Раз так, то, значит, я должен поручить анализ кому-то из сотрудников. Кто знает, что там в пробирке. Может, жуть какая? Что мне потом делать? Как рот ему заткнуть? А если он стуканёт в ЦРУ? Эти ребята шутить не станут. Могут нахрен зачистить всех, не глядя на то, что это военный объект.

– То есть ты не знаешь, что это за вещество?

– Понятия не имею. Но пробил надпись на этикетке. «ЕХО 231115» означает Executive order, а цифры – это дата. Старик, это номер президентской директивы от 2015 года, вводящей мораторий на исследования, связанные с модификацией вирусов на территории США. Помнишь?

– Помню. Она вышла после того, как группа учёных заявила, что сделали рекомбинант¹⁹ на основе вируса летучей мыши и человеческого белка.

– Верно, – кивнул Хендерс. – Я тебе ещё прошлый раз сказал, что трое ребят из этой группы работает в Ясоне. Так вот, номер этой директивы и был написан на этикетке.

– Странно. В Ясоне явно работают профи высшего класса, и допустить такую оплошность вряд ли могли, – начал рассуждать вслух Вернер. – Ты говоришь, надпись на пробирке нестандартная, от руки. Отсылает нас к директиве, запрещающей исследования с вирусами. Выглядит так, как будто кто-то из Ясона хотел привлечь наше внимание. Причём сделать это втайне от своих.

– Ты думаешь? – на секунду задумался микробиолог. – Может быть и так. Вполне могу представить, что они там занимаются запрещёнными исследованиями, а кто-то из сотрудников видит опасность и решил передать информацию наружу. Возможно, это даже тайный агент.

– Агент в компании, контролируемой ЦРУ? – с сомнением покачал головой Вернер.

– А что? Сейчас хрен поймёшь, что у них там творится? Половина верхушки Лэнгли за президента, половина против. «Глубинное государство», мать его.

– Глубинное, говоришь, – теперь задумался полковник. – Вполне возможно, что так и есть. Где материал?

– Со мной, – ответил Хендерс и, видя, как напрягся собеседник, успокоил его. – Нормально всё. Пробирка в спецконтейнере. Вероятность утечки – ноль. Даже если на него танком наехать.

– Ты хочешь передать её мне?

– А кому ещё? Военным? Так они сразу побегут в ЦРУ. А что если в пробирке бомба? Супервирус, который нас к чёрту всех выкосит? А я не хочу, чтобы меня выкосили. Я про вирусы по телику хочу ужастики смотреть, а не в реале. Я жить хочу. Я только с ипотекой рассчитался. Бабки вот появились. Теперь можно и расслабиться немного, погулять. А тут у меня в сумке лежит хрен знает что и угрожает моей спокойной жизни. Нет, я так не хочу. Ты, старик, сам со мной решил встретиться месяц назад. Типа, защитить Америку. В конце

¹⁹ Вирус, полученный искусственно, путём внедрения целевых фрагментов в исходную цепочку ДНК/РНК.

концов это твоя обязанность. У тебя свой научный центр, лаборатории, вирусологи. Вот я тебе и помогаю.

– Да не суетись ты, – одобряюще улыбнулся полковник. – Ты всё правильно сделал. Я занимаюсь темой. И ресурсы у меня есть. Так что не беспокойся, разберёмся с твоей пробиркой. Давай её сюда.

Воровато оглянувшись по сторонам, Хендерс спустил стоящую на скамье небольшую сумку на пол и ногой под столом подвинул её собеседнику.

– Только ты, это... Никому не говори откуда материал. А то ЦРУ, сам знаешь...

– Не бойся. Засветки не будет. Лично всё проконтролирую. А за помощь спасибо. Если что серьёзное, получишь медаль, – пошутил Вернер.

Через час в номере гостиницы он достал из сумки пластиковый кейс размером с поллитровую бутылку, в котором находился титановый контейнер, разработанный для перевозки особо опасных токсинов и патогенов. Мигающий зелёный огонёк светодиода говорил, что он полностью герметичен и опасности нет. Покрутив контейнер в руках, полковник вдруг почувствовал себя героем шпионского триллера, спасающим мир от ужасной угрозы. Скривившись от такой невесёлой перспективы, он вложил контейнер в кейс и аккуратно упаковал его в дорожную сумку. Немного поразмыслив, Вернер связался с техотделом управления МВБ по Калифорнии и вызвал группу специалистов, чтобы проверить, нет ли в передаче Хендерса жучков или других шпионских приспособлений.

Июль 2019. США. Штат Мэриленд. Форт-Детрик

Форт-Детрик имел долгую историю, большая часть которой связана с программами биологического оружия. С 1943 по 1969 год это был основной центр разработки и испытания патогенов в США. Затем ввиду расположения в густонаселённом регионе Восточного побережья в сотне километров от Вашингтона основные исследовательские и тестовые площадки были перенесены в пустынные штаты Среднего Запада, а на территории военной базы разместилось командование Службы биологических исследований армии и пункт материально-технического снабжения. Однако не все лаборатории были выведены с территории форта. Часть из них послужила основой для создания Исследовательского центра инфекционных заболеваний, вокруг которого позже были основаны несколько лабораторий других ведомств. В их число входил и Центр исследования биоугроз Министерства внутренней безопасности.

Формально Центр находился в составе отдела, которым руководил Вернер. Но, учитывая особый статус и опасность материалов, с которыми работали несколько его лабораторий, структурно подчинялся напрямую главе Управления по науке и технологиям. Тем не менее полковник фактически курировал исследования, имел неограниченный доступ к программам, ставил задачи и распределял ресурсы. Такое положение позволило ему, не привлекая особого внимания, запустить анализ биоагента, переданного Хендерсом.

Первые результаты показали, что в пробирке находится лабораторная культура клеток человека, заражённая коронавирусом, очень похожим на SARS-CoV, который вызвал вспышку атипичной пневмонии в 2003 году. Похожим, но не идентичным. Судя по контакту с клеткой, вирус использовал некий механизм, позволяющий ему более агрессивно с ней взаимодействовать. Для окончательных выводов материала исследований было недостаточно, и Вернер попросил микробиологов провести полный цикл, включая секвенирование генома²⁰. Процесс этот занял почти неделю и привёл к весьма настораживающим результатам. Патоген явно принадлежал летучей мыши, но с одной очень важной разницей в контактной липопротеиновой структуре. S-белок, находящийся на шипах, которыми вирус цепляется за клетку, был настроен на специфический клеточный фермент ACE-2 в конфигурации, свойственной только человеку. Такая комбинация позволяла ему прочно крепиться к мембране клетки и предоставляла воз-

---

²⁰ Определение аминокислотной и нуклеотидной последовательности генома.

возможность преодолеть её защитные механизмы. К тому же в геноме вируса были зафиксированы несколько фрагментов от РНК ВИЧ – вируса иммунодефицита человека, вызывающего СПИД. Происхождение и роль этих фрагментов оценить пока было невозможно, но сам факт их наличия вопреки природной несовместимости говорил о том, что вирус рекомбинирован искусственно.

Изучив эти тревожные данные, Вернер заинтересовался у микробиологов, какой эпидемиологический потенциал имеет новый патоген. Те совершенно спокойно ответили, что вирус настроен под использование человека как основного резервуара, структура его контактных белков позволяет говорить о чрезвычайной вирулентности, а наличие в РНК фрагментов ВИЧ о том, что реакция иммунитета на этот вирус будет как минимум непредсказуемой, а в худшем случае неэффективной. Учёные также сообщили, что если не обращать внимания на вставки от ВИЧ, то ничего нового в вирусе нет. Ещё в 15-м году группа американских учёных объявила о создании рекомбинанта коронавируса летучей мыши с S-белком, использующим фермент ACE-2 для проникновения в человеческую клетку. Но с такими вопросами лучше обратиться к вирусологам.

Получалось, что Ясон продолжает исследования коронавируса, способного вызвать серьёзную эпидемию. Причём испытания патогена проводятся на военном полигоне на территории США, что является прямым нарушением президентской директивы от 15-го года.

Засекретив результаты исследования и запретив остатки биоматериала в отдельной ячейке в защищённом хранилище особо опасных веществ, Вернер связался с Хендерсом, который по специальности был вирусологом, а по работе специализировался на боевых биоагентах. Тот как раз находился на карантине после очередной двухнедельной смены в лаборатории и через сутки должен был выйти в двухнедельный отпуск. Узнав, что полковник хочет с ним поговорить, он сразу догадался о теме и сказал, что после карантина будет у себя дома ещё пару дней и готов встретиться. В это время на полковника как раз навалилась куча дел, поэтому личной встречи не получилось, и он отослал материалы по электронной почте с просьбой дать оценку новому вирусу.

Вестей от Хендерса не было почти неделю. Затем пришло развёрнутое вирусологическое заключение, сделанное на основе анализа генома. В документе подтверждалось, что новый патоген может обладать четырьмя из пяти признаков супервируса. Он чрезвычайно заразен, нестабилен и подвержен мутациям, может легко передаваться от человека к человеку воздушно-капельным или контактным путём и имеет длительный инкубационный период. Вопрос о патогенности оставался открытым, потому что во многом зависел от иммунного ответа организма, который можно было определить только экспериментальным путём. Однако существовала высокая вероятность, что его летальность как минимум будет находиться в рамках стандарта SARS-CoV 2003 года, то есть в пределах 3–5 процентов.

Это заключение означало, что Ясону почти удалось создать супервирус и, возможно, сейчас компания работает над тем, чтобы улучшить последний из критериев, увеличив его патогенность. Если это удастся сделать, то у ЦРУ в руках окажется разрушительное оружие, контролировать которое будет практически невозможно. Вирус, по словам Хендерса, обладает повышенной мутагенностью, а значит, существовала вероятность, что вакцину против него создать будет довольно сложно и она может оказаться малоэффективной.

Составив небольшой отчёт, Вернер отправился к Макалистеру, главе МВБ, с докладом. Тот выслушал его с мрачным лицом подсудимого, которому оглашают несправедливый приговор, и попросил некоторое время, чтобы осмыслить ситуацию. А пока все действия по новому коронавирусу следовало прекратить, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Полковник вернулся к своим обязанностям, а Макалистер, поразмыслив над возникшей ниоткуда проблемой, вполне справедливо решил, что с ней должен разбираться её источник,

и позвонил директору ЦРУ Джудит Хосвей. Они встретились через день после совещания у президента по контролю за потоками мигрантов через границу с Мексикой.

– Джу, тут такое дело, – глава МВБ чувствовал себя немного неловко из-за того, что оказался вовлечён в шпионские дела, а ещё из-за того, что директор ЦРУ имела репутацию жёсткой и беспринципной женщины, способной идти по головам, лишь бы добиться своего. – У меня есть информация, что один из твоих подрядчиков работает с нарушением законодательства США.

– Да ну? – сделав невинное лицо, улыбнулась она, давая понять, что это не является чем-то из ряда вон выходящим. – И кто отличился на этот раз?

– Твои люди работают с компанией Ясон, которая ведёт микробиологические исследования. Несколько месяцев назад в нарушение президентской директивы Ясон на полигоне в США испытал новый патоген.

– Боже, как я не люблю все эти бактерии-токсины. Будь моя воля, я бы нахрен закрыла все программы по бактериологическому и химическому оружию. Не наше это всё. Разведка должна быть силовой, а не зависеть от яйцеголовых дрыщей, выращивающих мерзкую слизь в пробирках. Но меня убеждают, что вирусы могут быть эффективным средством решения многих вопросов.

– Да. Но не нарушая при этом законов США, – виновато улыбнулся Макалистер.

– Конечно, Кев. Не нарушая законов США. У тебя есть конкретный материал на Ясон?

– Есть. Я перешлю по почте.

– Отлично. Спасибо, что предупредил. Я разберусь со своими и сообщу тебе результат, – мило улыбнулась директор, давая понять, что тема закрыта.

Через час у себя в офисе Хосвей открыла секретную базу данных подрядчиков и набрала в поиске нужное слово. На экране выплыла строчка с файлом Ясона с мигающим окошком, требующим ввести пароль. Она ввела свой допуск, служивший универсальным паролем ко всем секретным документам ЦРУ, и файл открылся. Пробежавшись глазами по общему обзору деятельности компании, директор просмотрела последние отчёты и, выругавшись вслух, нажала иконку внутреннего коммуникатора, чтобы вызвать главу научно-технического отдела, курировавшего Ясон. Разговор с ним не только ничего не прояснил, но и внёс новую интригу. Оказалось, что Ясон специальным секретным приказом её предшественника был передан под крышу Управления тайных операций ЦРУ.

Это уже было интересно. Хосвей старалась быть в курсе всех крупных тайных операций. А тут подрядчик с огромным бюджетом и лабораториями по всему миру, которые неизвестно чем занимаются, ходит по лезвию ножа прямо под носом, а она ни слухом, ни духом. Директора так и подмывало вызвать своего зама – главу тайных операций и устроить ему взбучку, но она понимала, что Харви Дексон был человек непростой. Долгое время занимая позицию замдиректора, он вёл большую часть оперативной работы ЦРУ и обладал обширными связями среди самых влиятельных политиков Вашингтона. Поэтому вместо излюбленной тактики грубого наезда она выбрала более тонкий и, как казалось, более элегантный подход в стиле душевного разговора на тему «я знаю, что ты серьёзно накосячил, но на этот раз прикрою твою задницу. Помни об этом».

Разговор оказался действительно интересным, а его последствия превзошли все ожидания.

Вначале директор хотела пригласить Дексона на рабочий ланч, но потом подумала, что встреча в её кабинете, несмотря на неформальный характер, более отчётливо обозначит серьёзность проблемы.

– Послушай, Харви, я тут обнаружила одну нестыковку, – начала она издали, после того как выслушала короткий доклад по статусу основных проектов управления. – Один из

твоих подрядчиков числится в структуре отдела по науке и технологиям, а работает на тайные операции. Как так получилось?

– Интересно кто? – поднял брови Дексон, по глазам которого было видно, что он прокручивает в мозгу возможные варианты.

– Ясон. Они занимаются для вас микробиологическими исследованиями.

– А, эти... – стараясь казаться расслабленным, махнул рукой он. – Ясон передан мне специальным приказом. Я сам не хотел их принимать, но они в своих исследованиях вышли на практическое применение. А тут, сама понимаешь, без оперативного управления не обойтись.

– Я не успела изучить досье Ясона. О каком конкретно применении ты говоришь?

– Они ведут несколько программ. От африканской чумы свиней, которую мы запустили в России и Китае, до адаптации малярии к средней полосе. Есть ещё грибки, уничтожающие урожай риса или пшеницы. Ну и прочая мерзость, которую можно использовать для подрыва экономики противника. Неужели вам это интересно?

– Кто оформляет техзадание на исследования? – вместо ответа спросила Хосвей, внимательно рассматривая коллегу.

– Управление тайных операций.

– То есть под бюджетом и тематикой исследований стоит твоя подпись?

– Моя или зама. А какие проблемы с бюджетом? – насторожился Дексон. – У нас что, внеплановый аудит?

– Твой бюджет – твоя проблема. А вот санкционированные тобой незаконные испытания Ясоном человеческого вируса на территории США – это наша общая проблема, – директор поймала взглядом глаза подчинённого и заметила, как от напряжения чуть сузились его зрачки.

– Что за испытания? Если честно, я не очень вникаю в деятельность Ясона. Его плотно курирует мой зам. Но, если они нарушили закон, я лично с ними разберусь. Какая конкретно у тебя инфа?

– Несколько месяцев назад Ясон на военном полигоне в Юте испытал на добровольцах новый человеческий коронавирус. В нарушение президентской директивы «ЕХО 231115», которая запрещает исследования подобных патогенов на территории США.

– Твою мать! – довольно правдоподобно удивился Дексон. – Если это так, я сейчас же этим займусь. А откуда данные?

– Из личных источников, – многозначительно ухмыльнулась директор.

– Я разберусь с Ясоном в приоритетном порядке. Надеюсь, ты не будешь выносить сор из Конторы. Это не в наших интересах. На нас и так давят со всех сторон.

– Честь мундира прежде всего. Но с этого момента я хочу быть в курсе всего, что делает Ясон. И не забывай – я сегодня прикрыла твою задницу.

– Как можно, мэм, – понимающе улыбнулся Дексон. – Я ваш должник. Одно дело делаем.

Когда глава Управления тайных операций ушёл, Хосвей связалась с начальником управления киберразведки ЦРУ и поручила установить наблюдение за руководителями Ясона. Такой канал позволял проконтролировать общение Дексона с верхушкой компании и, возможно, получить дополнительные козыри в завязавшейся игре. Было очевидно, что глава тайных операций осведомлён об исследованиях с коронавирусом, но скрывает это. А директор очень не любила, когда от неё что-то скрывают.

К её большому удивлению, ни Дексон, ни его замы в течение нескольких следующих дней не связывались с Ясоном. Более того, информация о каких-либо действиях в отношении компании или контактах важного уровня тоже не поступала. Этому было два вероятных объяснения: либо её приказ был проигнорирован, либо связь с Ясоном оказалась глубоко зашифрована, что наводило на очень неприятные мысли о возможном уровне взаимодействия. Почувствовав, что натолкнулась на что-то значительное, Хосвей решила ещё раз поговорить с шефом тайных операций, но произошло несколько событий, нарушивших её планы.

Утром пришло сообщение из Комитета Конгресса США по разведке о том, что он возобновляет против неё полномасштабное расследование за санкционирование пыток при допросах два года назад, когда она возглавляла управление ЦРУ по борьбе с терроризмом. Это было очень неприятно. В лучшем случае ей грозило увольнение, в худшем – тюремный срок. Затем через несколько часов на её личный номер, известный только нескольким высшим чиновникам из Администрации, позвонил Лари Кросман, один из заместителей председателя DNC²¹ – Национального комитета Демократической партии США.

Об этом далеко не молодом и совсем не публичном человеке в вашингтонском политическом болоте ходили разные слухи, но все они в конце концов сводились к одному – Кросман был одним из самых влиятельных людей на восточном берегу Потомака. Старик принадлежал к небольшой неформальной группе финансистов, которых даже люди, относившие себя к элите, с завистью и благоговейным придыханием называли «хозяевами денег». Именно эта группа, не обращая внимания на партийные разногласия, национальные интересы и волю простых американцев, делала свои дела через назначаемую ей вашингтонскую политическую верхушку. Без согласования с ней Конгрессом не принимался ни один ключевой закон, а президент не подписывал ни одну важную директиву. Эти люди создали и последовательно воплощали в жизнь концепцию либерального глобализма, которая позволила США стать ведущей финансовой силой в мире. Именно в их руках была сосредоточена большая часть богатства Америки, а значит, они обладали реальной властью и силой. Тихий и невзрачный старичок Лари Кросман, отпрыск одного из богатейших финансово-промышленных кланов Америки, как раз входил в узкий круг серых кардиналов, отвечавших за управление разношёрстным зоопарком, гордо называвшим себя политической элитой Вашингтона, а конкретно за то, чтобы демпартия США делала то, что нужно «хозяевам денег».

Звонок человека такого уровня не мог не настораживать. К тому же Кросман предложил встретиться в неформальной обстановке в закрытом гольф-клубе, пообещав, что разговор пройдёт без посторонних глаз. Отказ от такого предложения мог повлечь за собой кучу проблем, особенно на фоне начавшегося расследования по пыткам в офшорных тюрьмах. Хосвей помнила, как несколько лет назад, когда президент рекомендовал её на должность замдиректора ЦРУ, руководимый демократами Комитет по разведке не одобрил её кандидатуру. Помнила она и то, что, после того как Конгресс дал согласие на назначение её директором, у неё состоялся короткий брифинг со спикером-демократом, которая прозрачно намекнула на то, что именно ей она обязана своим карьерным ростом.

Меньше всего директору ЦРУ хотелось оказаться вовлечённой в борьбу демпартии против президента. Её не интересовала политика, а тот публичный, перешедший все границы разумного срач, который устроили две группы вашингтонской элиты, ей был просто противен. Даже национальные интересы её по большому счёту не волновали. Она просто страстно любила свою работу, обожала почти безграничную власть над людьми, которую даёт её должность. Просыпаясь каждое утро, Хосвей мечтала поскорее оказаться у себя в кабинете, прочитать свежую сводку событий за ночь и с головой погрузиться в увлекательную игру, имя которой – глобальная разведка. У директора не было политических амбиций. Она достигла всего, о чём мечтала, и не желала дальнейшего карьерного роста. В крупнейшей разведке мира ей было комфортно, спокойно и уютно. Совсем как в семье, которую ей из-за работы и скверного характера так и не удалось создать.

К сожалению, позиция директора ЦРУ по своей природе была одной из самых политизированных в вашингтонской верхушке, и Хосвей стоически принимала наезды на неё со стороны элит. Пока ей удавалось лавировать между двух огней в бушующем пожаре войны между пре-

---

²¹ DNC (Democratic National Committee) – Национальный комитет Демократической Партии США. Высший орган партийного управления.

зидентом и демпартией. Её искусство в этом становилось всё более утончённым и отточенным, а уверенность в том, что ей удастся справиться с любыми проблемами, неуклонно укреплялась.

Закрытый частный гольф-клуб ВИП-уровня находился в сотне километров к северо-западу от Вашингтона в предгорьях невысокого массива Блу-Ридж. Её вертолет приземлился на площадке чуть в стороне от основного здания. Четвёрка охранников в лёгкой броне со штурмовыми винтовками прыгнула ещё до того, как шасси коснулось газона, и, отбежав на несколько десятков метров, заняла позиции по периметру. Ещё пара в просторных куртках, которые скрывали тяжелые бронежилеты, осталась при боссе, чтобы прикрыть её в случае нападения.

Со стороны здания гольф-клуба показался администратор в безупречном фраке с бабочкой, словно внутри шёл концерт камерной музыки для искушённой публики.

Приняв руку охранника, Хосвей спустилась по ступенькам вертолёта и осмотрелась. Ещё с воздуха она заметила, что освещаемые тёплыми лучами закатного солнца поля для гольфа, площадки для отработки ударов, теннисные корты и парковка были пусты. В это вечернее время члены клуба обычно заполняли шикарный ресторан, лаундж-бар и открытую террасу, но на этот раз и там не было никого. Значит, Кросман действительно позаботился, чтобы они были одни. Учитывая заоблачные цены этого элитного заведения, такая забота влетела клубу в серьёзную копеечку.

– С прибытием, мэм, – администратор остановился в нескольких шагах, чуть склонил голову в почтительном жесте и, не обращая внимания на суровых телохранителей, полным достоинства голосом продолжил: – Вас ожидают в приватной секции ресторана, мэм.

Во внутреннем убранстве основного зала отсутствовала напускная роскошь и ставший привычным для богатых заведений Вашингтона и Нью-Йорка дешёвый, граничащий с безвкусицей гламур. Интерьер ресторана был оформлен в аскетичном духе закрытого клуба влиятельных английских джентльменов конца XIX века и всем своим видом подчёркивал солидность и серьёзность собирающейся здесь публики. В том же стиле был выдержан и небольшой каминный зал с четвёркой роскошных, обтянутых мягкой замшей глубоких кресел, расставленных вокруг низкого резного столика из красного дерева. В одном из них с развёрнутой газетой в руках сидел пожилой, по-военному подтянутый мужчина на вид лет семидесяти в светлых брюках и фирменном клубном поло. Он отреагировал на произнесённую администратором фразу «Миссис Хосвей, сэр» с чуть заметной задержкой, которая однозначно давала понять, кто здесь хозяин. Выдержав секундную паузу, Кросман сложил газету, свернул её трубкой и отправил в стоящую рядом корзину, где уже лежало несколько экземпляров других изданий.

– Боже! Куда мы катимся, – посетовал он, вставая. – Миссис Хосвей, вы можете ответить мне на этот вопрос?

– Извините, сэр? – немного смутилась директор, не ожидавшая такого начала беседы. Старик вёл себя так, как будто знал её уже давно, а разговор происходил где-нибудь на кухне.

– Я про тот бардак, который творится в мире, – он подошёл к ней и, протянув руку, представился. – Лари Кросман. Можно просто Лари. Проходите, присаживайтесь. Так вот... На этот вопрос сейчас не может ответить никто. Ни Госдеп, ни Пентагон, ни полдюжины мозговых центров, считающих себя супераналитиками, ни разведка, – он, опёршись на подлокотники, медленно опустился в кресло и продолжил: – И знаете, я подумал, может быть, ответ есть у вас?

– Именно за этим вы меня сюда пригласили? – Хосвей подозрительно посмотрела на старика.

– В том числе. В том числе, – задумчиво пробормотал тот, внимательно изучая свою собеседницу. – А вы в жизни выглядите ещё более э... жёсткой, чем на фото- и видеоматериалах. Особенно когда чувствуете, что вышли из зоны комфорта.

– Вы изучали моё досье? С какой целью, Лари? – вопреки приличиям, она умышленно назвала его по имени, думая, что это как-то унижит старика, но тот пропустил её укол мимо

ушей. Оказавшись в непривычной роли изучаемого объекта, директор почувствовала некоторую неловкость. Обычно она изучала материалы на других людей, зачастую решая их судьбу, а тут старик чуть ли не в домашних тапочках ведёт себя так, как будто она пришла к нему наниматься в горничные.

– Не смущайтесь, пожалуйста. Должен же я знать, с кем имею дело. Про вас, знаете ли, разные слухи ходят. Мне действительно очень важно ваше мнение как главы разведки о сложившейся ситуации в Америке и за её пределами. Не кажется ли вам, что критическая масса проблем неуклонно нарастает?

– С такими выводами сложно не согласиться, – немного расслабилась Хосвей, чувствуя, что они переходят к теме разговора. – Противостояние президента с демпартией и СМИ переросло в открытую конфронтацию. Оно не даёт сосредоточиться на решении внутренних проблем, ослабляет наше внутреннее единство и подрывает глобальное лидерство, давая возможность России и Китаю нарастить своё влияние. К тому же накапливаются серьёзные финансовые риски, растущий госдолг, дефицит бюджета, падение производительности труда и сокращение промышленного производства в пользу финансово-спекулятивного сектора, – после этой фразы она с вызовом посмотрела в глаза собеседнику, ожидая его реакции на такой укол, но тот лишь чуть кивнул, приглашая её продолжить. – Всё это грозит нам серьёзным кризисом, если не экономическим крахом, который на фоне поляризации общества может привести к беспорядкам, а в худшем случае – к гражданской войне и расколу США. Это если в двух словах, сэр. Более полный анализ с выкладками и сценариями вы найдёте в годовом обзоре рисков, подготовленном ЦРУ. Я уверена, вы имеете к нему доступ.

– Читал я этот доклад. И рад, что вы тоже его изучили. Ваш предшественник не очень интересовался ни разведкой, ни вопросами национальной безопасности. Ему было важно попасть в Белый дом, чтобы каждый день мелькать своей толстой никчёмной задницей на телевидении. А вы, я вижу, к работе относитесь серьёзно. Публичности избегаете. Дела делаете тихо, но основательно. Это правильный подход.

– Безопасность Америки – мой приоритет, – ответила директор, чуть было не ляпнув «Спасибо, сэр». Это бы и вовсе поставило её в подчинённое положение. Несмотря на расслабленные манеры, старик производил впечатление опытного охотника, со знанием дела расставляющего ловушки вокруг своей добычи.

– Это хорошо. Это очень хорошо, – проговорил Кросман, задумчиво глядя на свою собеседницу, словно решая, в каком ключе продолжить разговор. – Скажите, как далеко вы готовы зайти, защищая безопасность и национальные интересы Америки?

– Настолько далеко, насколько позволяет американский закон, – уклончиво ответила директор.

– А если потребуется его э... широкая интерпретация? Ваше агентство славится своим гибким отношением к закону. Да и вы лично подходите к нему довольно творчески.

– Я не понимаю, о чём вы. ЦРУ всегда вело и ведёт свою деятельность в соответствии с законами США и основываясь на самых высоких моральных принципах, – выдала Хосвей дежурную фразу, пытаясь лихорадочно прикинуть, к чему клонит старик.

– Конечно-конечно, – понимающе улыбнулся тот. – Но всё же... Иногда трактовка закона и этих самых принципов может зависеть от того, под каким углом их рассматривать. Вот например... Два дня назад в ваши руки попала информация о проекте, который может изменить будущее Америки и всего мира. От вас зависит, как вы ей распорядитесь.

– Какую конкретно информацию вы имеете в виду, – сделала непонимающее лицо директор, приглашая собеседника полностью раскрыть карты, хотя прекрасно поняла, о чём идёт речь.

– Я имею в виду информацию об испытании на территории США человеческого вируса по проекту, который передан в управление вашего зама.

– Хм. . ., – Хосвей с хитрым прищуром посмотрела на старика. – Судя по вашему вопросу, мой зам очень скверно справляется со своими обязанностями. Частный подрядчик ЦРУ работает над секретной программой, и гражданским о ней знать не положено. Даже таким важным, как вы. Значит, мой зам нарушил внутренние правила со всеми вытекающими последствиями.

– Все нет. Со своей работой он справляется на отлично, – не обратил внимания на очередной её укол старик. – Буду с вами откровенен. Работу Ясона над коронавирусом курирует не Дексон. Этот проект веду я.

– Вы? – не сдержала удивления директор, но тут же спохватилась. – Но у вас на это нет полномочий!

– А кто раздаёт эти полномочия? Президент с мозгами семилетнего ребёнка и амбициями Юлия Цезаря? Конгресс, беспомощно барахтающийся в болоте межпартийных дрызг? Может быть, ЦРУ, которое деградирует год от года, но тем не менее наслаждается полным отсутствием контроля, несмотря на почти непрерывную серию провальных проектов? Может, я кого-то пропустил? – снисходительно улыбнулся Кросман. – Иногда в истории наступают моменты, когда смелые люди берут на себя ответственность за будущее страны и мира. Звучит пафосно, но сейчас как раз такое время. Вы сами отметили, что внутренние и внешние проблемы нарастают лавинообразно. Если ничего не предпринять сейчас, завтра Россия и Китай сметут США на задворки истории. Хочу, чтобы вы поняли. Речь идёт не о понижении статуса нашей страны с уровня глобального гегемона, а о её выживании как государства. Мы не допустим краха Америки, даже если для этого потребуются определённые вольности в интерпретации закона.

– Довольно смелое заявление.

От фразы «мы не допустим», сказанной тоном, напрочь исключаящим все другие варианты, Хосвей почувствовала неприятный холодок внутри. Интуиция настойчиво подсказывала, что такая откровенность старика означает, что он всё просчитал и не оставил ей места для манёвра или иного выбора, кроме как принять то, что последует дальше. Если бы Кросман работал в разведке, можно было предположить и самое худшее – их разговор останется в этой комнате. Сделать это можно было либо придя к общему соглашению, либо понимая, что твой собеседник живым из неё не выйдет. Директор бросила быстрый взгляд в окно, и, увидев там широкую спину одного из своих телохранителей, нервно сглотнула появившийся в горле противный мохнатый комок. Пара её личных охранников осталась за дверью. В кабинете они были одни, но в него вели ещё две двери, и за любой из них могла таиться опасность. Однако старик не работал в разведке и наверняка не был настолько беспечен, чтобы пойти на её устранение прямо здесь, в гольф-клубе. Совсем наоборот, он казался вполне доброжелательным, не проявлял агрессии, говорил спокойно и взвешенно.

– Не беспокойтесь, мэм. Вам ничто не угрожает, – видя, как напряглась его гостья, улыбнулся Кросман. – Вы занимаете ключевую позицию в американской разведке, и дальнейшее развёртывание проекта без вашего участия будет очень затруднительно. Рано или поздно этот разговор должен был состояться. Не беда, что его спровоцировали непредвиденные обстоятельства вроде утечки информации о финальной стадии испытаний вируса на полигоне в Юте. Я так откровенен с вами потому, что уверен – вы как человек разумный и настоящий патриот поймёте и примете мои аргументы.

– Во всяком случае, я готова их выслушать, – стараясь звучать как можно более спокойно, ответила она.

– Спасибо, – Кросман налил себе немного воды в длинный стакан, где лежала долька лимона, и, сделав несколько небольших глотков, продолжил: – Америка подошла к переломному моменту в своей истории. Ещё никогда со времён гражданской войны внутренние и внешние проблемы не угрожали самому её существованию. Вопрос в том, что подвело нас к этой роковой черте. Тупость политиков? Вера в собственную исключительность, или в могущество нашей экономики, или в то, что авианосцами и «Томагавками» можно решить все наши

проблемы? А может, банальная неспособность просчитать последствия своих действий? Дилетант ответит «да» на каждый из этих вопросов. На самом деле причина печального положения катящейся под откос, так и не состоявшейся империи под названием «Рах Americana» чисто экономическая. В её основе лежит смена промышленных укладов. Мир стоит на пороге колоссального прорыва, по сравнению с которым индустриальная революция начала прошлого века покажется событием незначительным и неважным. То, что нас ждёт, сравнимо с открытием энергии пара, электричества, расщеплением атома и запуском интернета вместе взятыми. Новый уклад будет основан на совмещении возможностей искусственного интеллекта и скоростной связи, позволяющей передавать информацию в реальном времени. Эта комбинация приведёт к тотальной автоматизации и роботизации процессов и обеспечит невиданный рывок в науке и технологиях. В ближайшие десятилетия человеческий труд будет вытеснен из большинства современных сфер деятельности, которые сейчас без него немыслимы. Развитые страны стоят на пороге тектонической трансформации общества, которая произойдёт в течение следующего поколения. И Америка как государство и как нация к ней не готова.

– Вы считаете, что возникнет проблема с высвободившимися миллионами рабочих рук? – предположила Хосвей. – Безработица? Непосильные для бюджета социальные обязательства?

– Это не самая большая проблема. Новые технологии обеспечат рост производительности труда, способный гарантировать базовый набор благ, позволяющий большинству американцев жить в относительном комфорте под лидерством просвещённой элиты. К тому же в отсутствие достойных занятий в реальном мире активность граждан будет перенесена в мир виртуальный, где для них будут созданы целые вселенные, поражающие своей реалистичностью и способные через нейроинтерфейсы и импланты напрямую стимулировать мозг и обеспечивать самые острые эмоции и изысканные наслаждения. И, наконец, количество граждан будет постепенно уменьшаться, снижая нагрузку на государство.

– Вы упомянули нейроинтерфейсы, – директор с сомнением посмотрела на старика. – Вы имеете в виду чипирование людей? Я слышала, в силиконовой долине плотно над этим работают. А ещё в своём последнем отчёте DARPA²² отметили, что перешли в фазу испытаний чипов для солдат на поле боя. Вы серьёзно верите в эту технологию?

– Я не спец по всяким техническим штучкам. Но скажу, что не вижу в чипировании людей ничего страшного. Более того, здесь я вижу только плюсы. Представьте себе небольшое имплантированное устройство, способное передавать информацию о состоянии организма, самостоятельно вводить лекарства в нужное время в нужном объёме, предупреждать о тревожных симптомах. И медицина – это только одно из полезных приложений. А ещё личная безопасность, возможность бесконтактной связи, банковских транзакций, управления устройствами и куча других возможностей. Так что от чипов нам никуда не уйти. Да народ уже и так почти полностью чипирован. Только чипы сейчас выглядят не как крошечные импланты, а как довольно громоздкие мобильные устройства, находящиеся у всех на виду. Функционал у них почти тот же. А насчет верю – не верю... За этой технологией будущее. Вопрос в том, что сейчас и в ближайшем будущем миниатюризация устройств будет стоить довольно дорого. Поэтому, в любом случае, полноценные чипы всем ввести не удастся. Слишком большое у нас население.

– И для его сокращения вам нужен вирус, который испытывал Ясон.

– Ну что вы. Вовсе нет, – покачал головой Кросман. – Во-первых, в Юте испытывали не сам вирус, а вакцину против него. После нескольких вспышек опасных вирусных заболеваний, когда патоген перепрыгивал с животных на человека, мы поняли, что рано или поздно в

---

²² Defense Advanced Research Projects Agency – Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США.

нашей популяции появится вирус, который разрастётся до размеров пандемии. Последствия его распространения будут иметь глобальный негативный эффект, который мы можем использовать в своих целях. Чтобы этот процесс был управляемым, мы заранее начали к нему готовиться. Разрабатывать методики создания вакцин, тестирования и схемы реагирования медицинских служб. Если вам интересно, Дексон всё более детально объяснит. Так что в Юте закон никто не нарушал. Сложно представить, что патоген со смертностью в 5–10 процентов обеспечит сколь-нибудь заметное снижение населения. У вируса совершенно другая цель. Количество американцев будет сокращаться естественным путём через снижение рождаемости у слоёв, стоящих на нижних ступенях социальной лестницы, и повышение их смертности из-за отсутствия доступа к медицине, а также ряда других причин. Заметьте, я говорю только об Америке. Что будет твориться в остальном мире, нас, по большому счёту, интересует лишь с точки зрения безопасности и доступа к ресурсам. Для этого у нас есть Пентагон и Госдеп. Но идём дальше. На пути к созданию в нашей стране такой совершенной модели государства стоит одно основное препятствие и несколько вторичных. Дело в том, что обрисованная мной организация общества возможна только при наличии тоталитарной системы управления с чётко обозначенной властью просвещённой государственной элиты над всеми процессами. На данный момент большинство американцев не готовы принять идею сильного государства, хотя уже двадцать лет живут в условиях мягкого тоталитаризма, когда их сознанием манипулируют СМИ для коррекции социального поведения. У людей среднего и старшего возраста всё ещё сильны иллюзии о свободе выбора, свободе воли, силе саморегулирования свободного капиталистического рынка и прочий бред, который был свойственен ранним стадиям развития нашей общественной формации. Молодое поколение, выросшее в сети, более эластично в этом плане и готово принять идею большей социальной и физической защищённости, пожертвовав частью своих свобод. Но процесс его воспитания сложный и длительный, а время сейчас – ключевой фактор. Новые технологии развиваются стремительно. В этой гонке мы можем проиграть нашим основным конкурентам – Китаю и России, у которых государство уже играет ведущую роль в общественной жизни. Даже в Европе люди более управляемы, чем у нас. Возьмите, например, хотя бы Германию и Скандинавию, где социалистические модели приучили население к значительной регулирующей роли государства. Мы не можем ждать двадцать лет, пока свободолюбивые американцы вымрут, а на их место придёт послушное, выращенное интернетом молодое поколение. Мы должны начать приучать граждан к дисциплине уже сейчас. Это как раз и есть одна из основных целей вируса, с которым работает Ясон.

– Интересно, как вы это себе представляете.

– Механика очень проста. Она основана на страхе. Страхе перед фатальными изменениями в окружающем мире, перед неизвестностью, перед возможностью потерять работу, здоровье, близких людей. Страхе за собственную жизнь, в конце концов. Представьте себе ситуацию. В мире появляется несколько очагов заражения вирусом. Вспыхивают эпидемии. Умирают люди. Вирус новый, незнакомый, чрезвычайно заразный. Ни вакцины, ни лекарств нет. Он начинает распространяться, как раздуваемый ветром пожар по сухой прерии. Выходит за рамки отдельных стран и перерастает в глобальную пандемию, которая сопровождается паникой, подогреваемой средствами массовой информации. На экранах мелькают графики заражения и постоянно растущие цифры смертей. Единственным средством борьбы с патогеном объявляется карантин, который может ввести и поддерживать только сильное государство. Власть приказывает людям сидеть дома, объявляет комендантский час, вводит другие ограничения свобод, в том числе в области собраний, передвижения, экономической деятельности и СМИ. Внедряются системы тотального слежения за передвижением и общей обязательной диагностики. Жёстко, вплоть до применения силы пресекаются любые нарушения режима. Такая ситуация полного контроля длится несколько месяцев, пока не появится вакцина или лекарство, или не возникнет коллективный иммунитет.

– Если вы запрёте людей дома, остановится экономика, – возразила Хосвей. – Люди потеряют заработок. На что будет существовать половина населения Америки, живущая от зарплаты до зарплаты, совсем не имеющая накоплений и по уши влезшая в долги.

– Должниками легче управлять. А насчёт экономики не беспокойтесь. Большая её часть уже раздутый почти до предела пузырь. Почти, но не до конца. Во время эпидемии ради «спасения» экономики и помощи малоимущим мы напечатаем столько денег, сколько нужно, чтобы накачать финансовый пузырь до максимума, понимая, что это может быть нашей последней попыткой. Следующий раз он просто лопнет и накроет нас всех отборным дерьмом, из которого мы уже не сможем выбраться. Так что мы просто зальём проблему долларами. К тому же временная остановка экономики сбросит пар с перегретого финансового рынка и естественным образом отсрочит его неизбежный коллапс. Потратимся и на людей. У нас есть механизмы вроде купонов на бесплатные продукты, бензин или обеды для самых бедных. Если потребуется, введём карточную систему или просто раздадим деньги неимущим. Мы ожидаем, что эпидемия продлится до полугода, а потом пойдёт на спад. За это время экономика уйдёт в рецессию. Её падение может составить 5–10 процентов. Безработица вырастет в разы. Но человек, идущий к государству за пособием для того, чтобы прокормить семью, будет зависеть от власти и если не уважать, то хотя бы бояться её. К тому же экономические трудности требуют усиления роли государства в управлении, а это ещё один шаг в направлении создания эффективной системы.

– При таком падении экономики люди потеряют триллионы. Больше всего пострадают верхние десять процентов. Те, у кого деньги в ценных бумагах.

– То, что финансовый рынок ждёт неизбежная катастрофа, было ясно ещё во время кризиса 2008 года. Вопрос был: сколько ещё удастся из него вытянуть. За время правления нынешнего президента биржевые индексы выросли почти в два раза. Пора спустить пар. Пандемия этому очень поможет. К тому же люди, владеющие определённой информацией, на этом очень неплохо заработают. Вовремя продав акции-пустышки на пике их стоимости, а затем купив по дешёвке реальные ценные активы вроде заводов и рудников, – Кросман хитро подмигнул собеседнице. – А за спекулянтов, миллиардеров-нуворишей, сделавших состояния в интернете и на криптовалютах я совсем не беспокоюсь. Главной целью будет сохранить производство, сельское хозяйство и сектор реальных услуг. А вся бесполезная пена новой экономики меня не интересует.

– Это всё похоже на реформирование экономики, – предположила Хосвей.

– Вы правы, – согласился старик. – Время шальных денег на финансовых спекуляциях подходит к концу. Сейчас доля реального сектора в экономике США чуть больше 20 процентов всё остальное – финансово-спекулятивный рынок, который маскируется как «услуги». Наша цель – поменять эти цифры местами и сделать США новым мировым производственным гигантом. Кстати, в Китае реальный сектор занимает почти 80 процентов. Это означает, что если взять сферу материального производства, то Китай по ВВП уже в четыре раза превосходит Америку.

– Попросту говоря, ради реформирования производственных отношений под новые технологии вы хотите разрушить демократию в Америке и превратить её в тоталитарное государство. Идея не нова, но впечатляет своим размахом, – уважительно покачала головой директор. – Не скажу, что я полностью одобряю выбранные вами методы, но концепция новой Америки, основанной на сильной власти, мне очень импонирует.

– Именно это я и ожидал от вас услышать, – скупой улыбнулся Кросман. – Я уверен, вам будет интересно наблюдать за событиями в следующие несколько лет. Надеюсь, вы понимаете, что теперь являетесь носителем чрезвычайно важной информации. Я рассчитываю на то, что вы распорядитесь ей разумно. Ведь от этого зависит не только ваша жизнь и карьера, но и жизни миллионов американцев. А пока в качестве жеста доброй воли я приостановлю расследование

вашего дела в Комитете Конгресса по разведке. Некоторые из его чересчур либеральных членов очень уж настроены довести дело до суда. Все эти неприглядные эпизоды из вашей биографии: тайные тюрьмы, незаконные убийства, пытки – до сих пор кое-кому на Капитолийском холме не дают спокойно спать.

– Спасибо, сэр. Вы прекрасно понимаете, что все мои действия как в прошлом, так и сейчас продиктованы желанием защитить национальные интересы Америки.

– Конечно, мэм. И наш разговор этому ещё одно подтверждение. Ваше дальнейшее участие будет зависеть от вашего желания. Как минимум мы попросим вас не мешать Дексону довести его до конца и в нужный момент предоставить президенту и Конгрессу нужные рекомендации. Ну, а максимум будет зависеть от того, насколько вы сами захотите быть вовлечены в этот проект. Мы будем рады использовать не только ваше положение, но и опыт и мастерство разведчика, – старик демонстративно посмотрел на часы. – Однако мы с вами совсем заболтались. Не хотите ли поужинать со мной. Я попросил сервировать столик на террасе.

– Спасибо за приглашение, – как можно более дружелюбно улыбнулась Хосвей. – Давайте поужинаем в следующий раз. У меня есть несколько неотложных дел. К тому же мне надо ещё раз хорошенько обдумать то, что я от вас услышала.

Через несколько минут вертолёт директора ЦРУ плавно оторвался от газона и, заложив широкий вираж на восток, исчез за рошей. В комнату, где, стоя у окна, за этим наблюдал Кросман, вошёл глава Управления тайных операций.

– Ну и как вам мой директор? – спросил он, налив себе в стакан выдержанного бурбона из одного из графинов, стоящих на высоком столике у стены.

– Хочешь диагноз? Явно выраженная социопатка. Лёгкая форма мании преследования на фоне контролируемой шизофрении. Очевидные садистские наклонности, провоцируемые комплексом неполноценности.

– Вы психолог?

– Нет. Это строчки из её досье.

– И с таким заключением вы год назад одобрили её кандидатуру? – удивился Дексон.

– А почему бы и нет? Там ещё написано про лояльность, целеустремлённость, эффективность в достижении результата и много ещё чего полезного.

– Надо было с неё получить заверения о том, что она будет с нами работать или как минимум молчать.

– Считаешь, что я должен был взять с директора ЦРУ подписку о неразглашении, – повернулся к нему Кросман. – Не смей меня. У неё достаточно опыта и мозгов, чтобы просчитать весь расклад. Кому она может слить эту информацию? Президенту? Конгрессу? Кто этому поверит? Где доказательства? Туманные намеки на то, что в Юте Ясон что-то испытывал? Мы с лёгкостью всё это выдадим за фейк, и Хосвей будет выглядеть, как идиотка. Поверь мне. Она этого очень не хочет. Её главная задача – выжить в банке с ядовитыми пауками, в которую превратился Вашингтон, и она прекрасно знает, что мы ей можем помочь. Так что готовься. При следующей встрече она тебя будет конкретно пытаться. Можешь выложить ей большую часть деталей, за исключением самого основного эпицентра и времени. Кстати, что у нас насчёт Ясона.

– Работаем, – Дексон сделал большой глоток бурбона. – Проблема будет решена в ближайшее время.

– Да уж, поработайте. А то так облажались на финальном этапе, – старик отошёл от окна. – Эта сучка отказалась от ужина, так что пошли на террасу. Там уже накрыт стол. Омары, икра, устрицы, бараньи рёбра в брусничном соусе и дорогое вино. Всё, как вы, избалованные бюджетом шпионы, любите.

Июль 2019. США. Штат Юта. Полигон Дагвей

Сверхсекретный полигон для испытания химического и биологического оружия Дагвей располагался в глубине пустыни Солт-Лейк в ста сорока километрах на юго-запад от одноимённого города. С момента своего основания в 1942 году это место пользовалось в штате Юта плохой репутацией. В примыкающих к локации фермерских хозяйствах периодически по неизвестным причинам вымирал скот и птица. Часто болели и сами фермеры. В конце концов вокруг полигона как-то сама собой образовалась санитарная зона в 30–40 километров, в которой никто постоянно не обитал, кроме охотников за НЛЮ. Небольшие группки этих энтузиастов разбили несколько мобильных лагерей в непосредственной близости от полигона в надежде найти доказательства контактов американских военных с пришельцами. В сообществе охотников за НЛЮ Дагвей лишь немного уступал по популярности «Зоне-51», расположенной на авиабазе в Неваде.

Режим особой секретности объекта и частое появление ночью неопознанных летающих объектов, которые на поверку оказывались новыми бесшумными вертолётами американского армейского спецназа «Дельта» или «морских котиков», постоянно подогревали интерес этой экзальтированной публики, ведущей давнюю и прочную дружбу с крепким алкоголем и лёгкими наркотиками.

Пожалуй, самым известным случаем, прославившим полигон Дагвей на всю страну, была случайная рассылка в десяток лабораторий активных спор сибирской язвы в 2015 году. Тогда трагедии удалось избежать только по счастливой случайности. Как из совершенно секретного научного центра по адресам в разных концах Штатов были отправлены образцы чрезвычайно летального биологического оружия, не смогло разобраться ни одно расследование. В результате среди руководства была проведена чистка и те, на кого пало подозрение в халатности, были переведены на должности, лишавшие их доступа к секретам и опасным веществам.

После почти тотальной смены руководства подразделение GPI²³ научного центра возглавил доктор Хендерс, занимавший до этого должность руководителя отдела тестирования. Не то чтобы работа ему очень нравилась. Он всю жизнь мечтал устроиться в исследовательский центр крупной фармкомпании, чтобы делать препараты, призванные лечить, а не убивать людей. Но военные платили хорошо. Из-за работы с опасными агентами год службы шёл за три, как на войне в Ираке или Афганистане, поэтому долгожданная пенсия стремительно приближалась. К тому же его устраивал вахтовый график работы, оставлявший каждый месяц почти две недели свободного времени. Да и дом, который он взял в Солт-Лейк Сити по льготной программе военной ипотеки, на гражданке обошёлся бы ему как минимум в два раза дороже. В общем, неудобства работы на секретном объекте вполне компенсировались ништяками, которые он получал от армии США.

По работе, конечно, иногда возникали и свои неприятные нюансы, связанные с секретностью проектов, которые вело его подразделение, или со сторонними службами и подрядчиками вроде Ясона, не упускающими возможность влезть в его хозяйство, да ещё и основательно там наследить.

Одним из неудобств, доставлявших Хендерсу много хлопот, было то, что на территории полигона армейский спецназ устроил центр подготовки бойцов для операций в подземных тоннелях, в том числе в условиях химического и бактериологического заражения. Хотя этим центром формально командовал майор из «Дельты», подразделение Хендерса принимало в подготовке самое непосредственное участие. Кроме теоретической части, его люди обеспечивали имитацию заражения, дезинфекцию средств защиты и оказывали помощь пострадавшим при вполне реалистичных тренировках, в которых использовались нелетальные агенты с низким уровнем поражения.

---

²³ GPI (Granite Peak Installation) – подразделение полигона Дагвэй, отвечающее за разработку и тестирование биологического и токсинного оружия, а также меры противодействия.

Как раз в тренировочном центре спецназа и случился инцидент, из-за которого Хендерса срочно отозвали из отпуска. Один из бойцов спецназа при разминировании учебного взрывного устройства с токсином допустил ошибку. В результате устройство сдетонировало, и он оказался в зоне заражения. К счастью, костюм химзащиты сработал на все сто, иначе спецназовец сутки не вылезал бы из туалета из-за диареи. Токсин был хоть и не смертельный, но вполне себе реальный. Однако пробы, взятые с костюма до обеззараживания, показали наличие посторонних отравляющих веществ. Не опасных, но всё же. Въедливый и занудный начальник тренировочного центра как-то об этом прознал, поднял шум из-за того, что тоннели не были должным образом стерилизованы перед тренировками, и доложил начальству, которое вызвало Хендерса, чтобы разобраться с инцидентом на месте.

По приезду выяснилось, что на защитном костюме спецназовца обнаружены следы метилфосфонилдифторида – компонента, являющегося составной частью боевых бинарных отравляющих веществ²⁴ и самого по себе совершенно не опасного. Никаких действий с бинарными газами в Дагвей не велось. Их даже не было в коллекции образцов. Это означало, что спецназовец привёз частички компонента на своём костюме химзащиты потому, что тот был плохо дезактивирован после предыдущего применения. Не слишком серьёзное упущение, но если об этом составить рапорт начальству, то серьёзное взыскание в виде штрафа, переноса отпуска или отмены увольнительной спецназовцу и его командиру было бы гарантировано.

Проигнорировав требование о встрече с майором «Дельты», Хендерс связался с командиром группы спецназа, с чьим бойцом произошёл инцидент. Тот предложил встретиться в «тоннелях» на месте, где взорвалась учебная бомба с токсином, чтобы обсудить происшествие. Несмотря на то, что помещение было проветрено и стерилизовано, учёный для верности прихватил с собой небольшую стеклянную капсулу заборника образцов и упаковку стандартных анализаторов, чтобы показать спецназовцам, как ими пользоваться.

Учебный центр спецназа находился в нескольких километрах от комплекса основных зданий полигона и представлял собой замысловатую сеть из множества состыкованных и приваренных друг к другу полномерных морских контейнеров. Внутреннее пространство, пол, стены и потолок были залиты несколькими слоями бетона, чтобы придать ему форму подземных ходов разной высоты и ширины. В этом комплексе находилось несколько довольно просторных помещений, имитировавших химлабораторию, цех производства самодельных взрывных устройств, санблок и комнату отдыха. Всё выглядело довольно правдоподобно и было похоже на реальное подземное убежище террористов где-нибудь в Ираке или Афганистане. Контейнеры стояли прямо на грунте и были присыпаны песком, так что издали комплекс выглядел, как место давнего крушения поезда в пустыне из боевика про апокалипсис.

Сверившись с журналом стерилизации комплекса, чтобы убедиться, что внутри безопасно, Хендерс забрался в свой внедорожник и через десять минут подкатил ко входу в «тоннели».

У тяжёлой герметизирующей двери стоял боец, расслабленно подбрасывая в руке камешек. Его экипировка была довольно необычной для «Дельты». Джинсы, свободная рубашка с коротким рукавом вместо стандартного бронезилета – лёгкая разгрузка с 4 полностью снаряжёнными боевыми патронами магазинами. К короткой штурмовой винтовке, лежащей на изгибе левого локтя, тоже пристёгнут магазин, и, что уже совсем неслыханно, предохранитель снят, а затворный индикатор показывал, что патрон дослан в патронник.

Коротко кивнув смерившему его оценивающим взглядом бойцу, Хендерс потянул на себя тяжёлую дверь и зашёл внутрь. В «тоннели» он заглядывал нечасто и каждый раз удивлялся, с каким вниманием к деталям они были сооружены. Внутри создавалось полное впечатление, что

---

²⁴ Бинарные отравляющие вещества приводятся в боевое состояние путём смешения нескольких относительно безвредных компонентов.

ты находишься на подземной базе террористов. Сверившись со схемой, он пробрался по узким, заваленным всяким хламом проходам до секции «химической лаборатории», где произошёл инцидент.

Посреди небольшого, тускло освещённого, зажатого бетонными наплывами помещения на ящике из-под колы сидел парень лет тридцати в таких же джинсах и рубашке, как и тот, что стоял у входа. Из оружия у него был только пистолет в высокой поясной кобуре. Ещё пара бойцов в разгрузках с винтовками на «петлях»²⁵ расслабленно стояли у стен.

– Доктор Хендерс, – парень вальяжно поднялся с ящика, подошёл к учёному и, взглянув ему в глаза, медленно проговорил не обещающим ничего хорошего голосом: – У нас к вам есть несколько вопросов.

– Джентльмены... Уверяю вас... В том, что произошло, нет никакой опасности, – запинаясь от неожиданного наезда, пробормотал тот. – Я даже в отчёте ничего отмечать не буду. Инцидент исчерпан, господа.

– Нихрена не исчерпан, – спецназовец взял его кисть своей рукой и сжал стальной хваткой так, что Хендерс, закатив глаза от боли, присел и жалобно застонал.

– Что вы делаете! Уверяю вас, ни токсин, ни метилфосфонилдифторид не представляют никакой опасности.

– Нахрен мне твой фторид, – угрожающе навис над ним боец. – Говори, сука, кто тебе две недели назад передал вирус, который здесь испытывал Ясон.

– Вы... Вы не из «Дельты», – поняв, что от него хотят, попытался отстраниться Хендерс, но боец рывком притянул его к себе и вывернул вверх кисть так, что тот упал на колени.

– Здесь вопросы задаю я, – злобно прорычал он. – Кто из Ясона передал тебе вирус?

– Никто не передавал, – простонал, скривившись от боли, учёный. – Отпустите руку. Я вам всё и так расскажу.

– Ты ему нахрен кисть ломаешь, – безразлично сплюнув на пол, сказал стоявший у стены боец и, подойдя сзади, по-дружески положил руку на плечо до смерти испуганному Хендерсу. – Послушай, доктор. Нам нихрена не нравится то, что мы делаем. Но работа есть работа. Начальство сказало узнать, откуда у тебя пробирка с образцами Ясона. Та, что ты передал Вернеру пару недель назад. Не удивляйся. Мы перехватили твою почту и знаем всё. А если начальство приказало, мы привыкли выполнять. Работа у нас такая. Ничего личного. Понимаешь? – он повернул потирающего руку учёного к себе лицом и заглянул ему в глаза взглядом доброго школьного учителя, потом, приобняв за плечи, подвёл к ящику из-под колы, лежащему на песчаном полу. – Ты садись. Так лучше будешь соображать. И коленки трястись не будут. Мой тебе совет: расскажи нам всё, как было, и мы тебя отпустим. А будешь упрямиться или хитрить, мой злобный напарник выпытает всё из тебя страшными пытками, а потом мы здесь всё нахрен взорвем. Типа тебя завалило случайным взрывом и всё такое.

– Вы из Ясона? – судорожно сглотнув, спросил учёный и с надеждой поднял глаза на закреплённую на потолке камеру наблюдения.

– Какая разница откуда мы, – добродушно улыбнулся спецназовец и, заметив движение его глаз, добавил: – Камеры показывают ту картинку, которую нам надо. Она же будет и в записях. Никто не видит, что здесь происходит. Никто на помощь не придёт. Никто не узнает, что произошло. Если ты не будешь сотрудничать, всё будет выглядеть, как несчастный случай.

До конца не веря в происходящее, Хендерс вдруг почувствовал себя совершенно беспомощным перед этими жёсткими парнями с холодными и безразличными к страданиям своей жертвы лицами. Учёному вдруг стало до боли в сердце обидно, что он, в принципе, успешный и удачливый по жизни человек, может закончить свой путь здесь, в душных бетонных тонне-

---

²⁵ Способ ношения штурмовой винтовки, при котором она свободно свисает сбоку на фиксирующейся на плече ремешковой петле.

лях, так и не дожив до заветной пенсии. Внезапно пришло осознание того, что всё это реально и что его всё равно убьют. Таких важных свидетелей не принято оставлять в живых.

От собственного бессилия на глаза помимо воли навернулись слёзы. Дрожащей от страха рукой учёный полез в карман форменного комбинезона за платком, но нащупал там холодную гладкую поверхность контейнера, в котором лежала стеклянная капсула заборника образцов, и на секунду замер от пришедшей в голову шальной мысли.

Позже в камере следственного изолятора и на допросах военной прокуратуры Хендерс сам удивлялся, как смог совершить этот безрассудный поступок, спасший его жизнь. Он так и не смог понять, откуда взялось столько смелости и сообразительности, что позавидовал бы и опытный агент разведки. А главное, что он в жизни сделал такого, чтобы невероятное везение и удача в этот момент были на его стороне.

Нащупав в кармане контейнер с капсулой заборника образцов воздуха, он поднял глаза на присевшего перед ним на корточки спецназовца и поникшим голосом произнёс:

– Я всё расскажу. Только дайте воды.

Один из бойцов подошёл к стоящему у стены вместительному армейскому рюкзаку и достал из него плоский пол-литровый пакет из фольгированного пластика – тактическую ёмкость с водой, используемую во время боевых операций. Хендерс под внимательными взглядами спецназовцев встал с ящика и с видом обречённого человека сделал несколько шагов навстречу тому, кто достал для него воду. Затем он вынул из кармана руку с контейнером, сдвинул пальцем запирающий замок, чтобы открылась подпружиненная крышка, и резким движением метнул капсулу заборника проб воздуха вверх в потолок. Стеклянная пробирка разбилась как раз в нужном месте, в нескольких сантиметрах от сенсора газоанализатора, выпустив похожее на пар облачко реагента.

– Эй, ты чё творишь! – спецназовец подскочил к нему, отработанным движением скрутил руки за спиной, защёлкнул наручники и жёстким ударом ноги под колено повалил на засыпанный глинистым грунтом пол. – Это чё за хрень?

– Это ваша смерть, – прохрипел Хендерс. – Я сдохну, но и вы тоже. Это боевая версия токсина ботулизма. Несколько молекул достаточно, чтобы убить человека.

– Противогазы! – рявкнул старший группы.

– Поздно, – сплюнув песок, проорал учёный. – Помещение небольшое. Вы уже хватанули смертельную дозу.

– Заткнись, – боец сильно ткнул его лицом в пол, навалившись коленом на спину так, что хрустнули рёбра, достал из поясной сумки и неловким движением надел лёгкий полевой противогаз. – Да он наверняка блефует.

– Хрен его знает, босс. Я почувствовал резкий запах, – раздался приглушённый газовой маской голос одного из спецназовцев.

– Я тоже, – с нескрываемой тревогой в голосе проговорил второй.

Как будто в подтверждение этих слов на закреплённом на потолке сенсоре газоанализатора тревожно замигал яркий светодиод и пронзительно запищала тревожная сигнализация. Через несколько секунд заработали динамики автоматической системы предупреждения, суровым голосом повторяя раз за разом: «Внимание! Биологическая опасность. Комплекс заблокирован. Персоналу надеть средства защиты и оставаться на своих местах до эвакуации».

Придавленный коленом к полу, Хендерс с облегчением выдохнул. Реагент в заборнике проб, который он разбил о потолок, был почти безвреден. Он не знал, как на него отреагирует сенсор газоанализатора. Расчёт был на то, что большой концентрации активного вещества будет достаточно, чтобы тонко настроенный прибор поднял тревогу. Так и произошло.

– Бля-я! Что теперь, босс? Ботулизм – это ж полный пипец, – с загнанным видом осматриваясь по сторонам, спросил спецназовец.

– Я теперь скажу вам, тупым дебилам, что произойдёт, – Хендерс попытался освободиться, но боец прижал его коленом к земле и, злобно рыкнув «лежи, сука», приставил к затылку пистолет. – Через десять минут здесь будет отделение охраны с группой дезактивации. Но вас это уже не спасёт. Если через полчаса вам не ввести антидот, процессы в организме примут необратимый характер, и вы все сдохнете. Вначале сухость во рту, першение в горле, потом вам станет трудно дышать. Вы начнёте харкать кровью, пока не выплюнете лёгкие. Потом у вас отнимутся руки и ноги. Это нейротоксин. Он поражает спинной мозг. У вас начнутся ужасные боли. Вы будете корчиться и орать, и ни одно обезболивающее вам не поможет. А главное, всё это время вы будете в сознании и полностью прочувствуете ужас приближающейся смерти. Вы все сдохнете! Сдохнете! Аха-ха-ха! – заорал учёный, стараясь изобразить безумие.

В этот момент заработала его рация.

«Доктор Хендерс! Доктор Хендерс! У вас биологическая угроза! Высылаем экстренную группу. Доктор Хендерс, ответьте!»

– Твою мать! – спецназовец рывком перевернул учёного на бок и вытянул из его нагрудного кармана небольшую рацию.

– Если хотите жить, дебилы, делайте, как я скажу, – тот оскалился грязным от песка ртом. – Я сейчас дам отбой тревоге, мы пройдем через зону деактивации. Потом быстро едем в лабораторию 3-А. Там я в присутствии охраны вколю вам антидот, и вы, мерзкие ублюдки, свалите отсюда так, чтоб я больше вас не видел.

Спецназовец быстро переглянулся со своими товарищами и принял решение.

– Мы сделаем так, как ты говоришь. Но если что-то пойдёт не так, мы убьём тебя и всех, кого сможем, в твоём грёбаном научном центре.

– Рацию, – попросил Хендерс и, когда спецназовец поднёс аппарат к его к лицу, громко и чётко произнёс: – Это доктор Хендерс. Я в «тоннелях». У нас ложная сработка датчика системы на безвредный реактив.

«Док, это Мартинес. Мы видим, что сработал только один датчик. Подтвердите отсутствие опасности».

– Это док Хендерс. Отсутствие опасности подтверждаю. Отбой тревоги. Я вывожу спецназовцев с объекта через зону деактивации. Через пятнадцать минут мы будем в центре. Подготовьте площадку 3-А для стандартной процедуры тестирования.

«Принято. Отбой тревоги. Конец связи.»

– Вставай, – спецназовец поднялся и, дёрнув за локти, поставил учёного на ноги. Затем щёлкнул по гарнитуре связи пальцем и произнёс: – Роки, встречай. Мы выходим. Миссия не выполнена. Смена вводной. Цель с нами. Идём в центр исследований. Детали по дороге.

«Что за фигня, босс? – послышалось в наушнике. – Я слышал сработку тревоги. Думал, вы там уже давно закончили и взорвали всё нахрен.»

– Отставить вопросы. Выполнять! – рявкнул старший и обратился к Хендерсу: – Говори, что делать.

– Вначале наручники, – скорчив недовольную гримасу, проговорил тот и, увидев, как спецназовец, сверкнув глазами, открыл рот, чтобы сказать «нет», добавил: – Тревога хоть и отменена, но двери между блоками до сих пор заблокированы. Замки простые. Коды я вам скажу, так что набрать сможете сами, а вот программу дезактивации вам без меня не запустить. Так что снимайте наручники.

Зло сплюнув на пол, спецназовец вместо ответа повернул учёного к себе спиной и отстегнул наручники.

– За мной, – махнул рукой Хендерс и повёл группу по тоннелям к выходу.

Пройдя через дезактивационный шлюз, группа выбралась наружу, где её прямо у дверей уже поджидал Хаммер.

– Чё за херня, босс? – насторожившись, повторил свой любимый вопрос, сидящий за рулём боец, который несколькими минутами ранее охранял вход в комплекс, и ткнул пальцем в учёного. – Нах вы его тащите? Вы втроём с хилым ботаном справиться не могли?

– Заткнись. Этот ботан нас отравил каким-то токсином. Быстро дуй в центр. Там нам вколют противоядие.

– Так чё? Мы, типа, провалили операцию? – тяжёлый мощный внедорожник рванул с места, выбросив из-под колёс снопы гравия. – Эй, эй! А это не заразно?

– Не заразно, – старший повернулся с первого сидения к сидящим сзади бойцам. – Чарли, запускай свою шарманку.

– Есть, босс, – один из спецназовцев перегнулся через сидение в багажник и достал оттуда небольшой кейс с вмонтированным в него полевым компьютером, быстро открыл крышку, подключил кабель к бортовой антенне хаммера и забегал пальцами по клавишам. – Контакт на твою гарнитуру, босс. Через 3... 2... 1...

Через секунду в наушнике старшего группы послышались короткие гудки исходящего телефонного вызова и зазвучал по-военному деловой голос:

– Начальник смены охраны объекта лейтенант Мартинес.

– Слушай меня внимательно, лейтенант, – суровым, не принимающим возражений голосом заговорил спецназовец. – Это командир оперативной группы ЦРУ старший агент Роджерс. Мы проводим на вашем объекте спецоперацию по задержанию доктора Хендерса. Он обвиняется в пособничестве террористам и продаже биологического оружия. Мы выдвигаемся из тренировочного центра в лабораторию. Доктор Хендерс отравил нас боевым токсином. Антidot находится в блоке 3-А. Приказываю немедленно эвакуировать персонал и ввести экстренный протокол. Мой личный номер «альфа-зулу-один-один-пять-пять». Код операции – «Пустынный камень». Немедленно свяжитесь со своим командиром майором Батлером для подтверждения выполнения моего приказа. Контакт через 3 минуты. Выполнять!

Старший группы прервал связь и вслушался в наушник. Несколько секунд не было слышно ни звука, затем раздались короткие гудки.

– Есть перехват. Включаю голосовой модулятор. Перевожу канал на твою гарнитуру, босс, – сообщил сидящий сзади с ноутбуком боец и тревожным голосом добавил: – Босс, мне что-то хреново. Горло горит и тошнит.

– Майор Батлер, – ответил старший, стараясь немного загубить голос, что, впрочем, было совсем не обязательно. Программа модулирования на выходе выдавала голос командира батальона военной полиции, отвечающего за охрану полигона Дагвей.

«Это лейтенант Мартинес, сэр. Разрешите доложить. Мне только что пришёл звонок с тренировочного центра спецназа. Звонил некий Роджерс из ЦРУ, личный номер...

– Твою мать! – выругался старший голосом комбата. – Что у этих вашингтонских хлыщей случилось?

«Он говорит, что проводит антитеррористическую операцию, что доктор Хендерс...»

– Я в курсе про операцию и про доктора Хендерса. Всё совершенно секретно. Операция чрезвычайной важности. Что ты лепечешь, как беременная старшекласница, лейтенант. Докладывай, что у них случилось! – рявкнул спецназовец.

«Агенты сообщили, что Хендерс отравил их каким-то токсином. Сейчас они едут в Центр. Просят допуск в блок 3-А для применения антидота и приказывают ввести экстренный протокол.»

– Твою мать. Ну, Хендерс! Ну, сука продажная! А эти дебилы городские даже не могли учёного дрыща взять. Так, сержант, слушай приказ. Обеспечить допуск группе оперативников ЦРУ к блоку 3-А и оказать им всю необходимую поддержку. Ввести экстренный протокол «Альфа-5». Я с группой буду у вас через полчаса. До этого весь персонал – в бункеры. Объект оцепить. Приказ ясен?

«Да, сэр!»

– Выполнять! – старший поднял руку и щёлкнул пальцами. Боец с ноутбуком на заднем сидении снова подключился к линии главного пульта охраны центра и запустил вызов. Ответили почти сразу. – Лейтенант Мартинес, это агент Роджерс. Мы в 6 минутах. Открыть ворота. Обеспечить доступ в лабораторию 3-А. Обеспечить присутствие одного из учёных из блока 3-А. Эвакуировать весь персонал за исключением медблока и палат интенсивной терапии. С нами Хендерс. Он введёт антидот. Очистить вертолётную площадку для нашей эвакуации.

«Есть, сэр» – отозвался начальник охраны.

Доктор Хендерс сидел на заднем сидении, зажатый между двумя спецназовцами, с заклеенным скотчем ртом и с поникшим видом слушал разговор старшего с начальником охраны Центра. Надежда на то, что охрана ему поможет, таяла на глазах. Кто бы ни были эти ребята, своё дело они знали хорошо. Об этом говорило то, что они просчитали все варианты развития событий.

Старший вызвал вертушку для эвакуации и, приказав ей приземлиться в пустыне в 5 минутах лёта от лабораторий, обернулся к учёному.

– Вот видите, доктор Хендерс. Всё складывается совсем не так, как вы планировали. Вам с антидотом будет ассистировать один из сотрудников лаборатории. Повторяю... Если что-то пойдёт не так, мы убьём максимальное количество людей в лаборатории и взорвём здания. Их жизни будут на вашей совести. Нам ведь терять нечего. Мы всё равно умрём. Так ведь? Кстати, мы успеваем? – он демонстративно посмотрел на часы. – С момента заражения прошло 17 минут.

– Успеваем, – тоном приговорённого к смерти узника ответил учёный, лихорадочно соображая, как поступить дальше. В лаборатории 3-А не было никаких антидотов, и, конечно, они были совсем не нужны. Реагент, содержащийся в пробирке, был почти безвреден. Он вызывал лёгкое першение в горле и кислотный вкус во рту, которые исчезали после простого ополаскивания. Эта лаборатория была предназначена для работы с особо опасными химическими токсинами и отравляющими веществами и служила местом их хранения. Почему в тоннелях в голову пришла именно она, Хендерс себе объяснить не мог.

Почти не замедляя хода, Хаммер проскочил через открытые ворота и, следуя подсказкам Чарли, открывшего на ноуте план и картинку центра со спутника, направился к отдельностоящему корпусу, где проводились работы с особо опасными веществами. За незванным гостем, включив мигалки, пристроились две машины охраны.

– Противогазы! – скомандовал старший, когда внедорожник остановился у небольшой металлической двери, ведущей в корпус. Убедившись, что все надели маски, он первым выбрался из хаммера и, подняв руку с жетоном ЦРУ, обратился к направившимся к нему охранникам: – Всем стоять! Химическая опасность! Я агент Роджерс. Кто из вас Мартинес?

– Лейтенант Мартинес, сэр, – ответил невысокий смуглый парень в офицерской тунике. – Вы ввели чрезвычайный протокол? – прогудел через противогаз спецназовец.

– Да, сэр.

– Так какого черта вы шлёпаетесь по базе без средств защиты, как шлюхи на панели!

– Я подумал... – замялся лейтенант, затем громко скомандовал: – Внимание! Газы! – остановившиеся на некотором расстоянии шестеро подчинённых отработанными движениями достали из поясных сумок противогазы и резво их надели. – Извините, сэр. Нам приказано оказать вам поддержку.

– Оцепить блок! У вас мастер-ключ от всех помещений. Вы пойдёте с нами, – скомандовал старший и обернулся к своим. – Выводите Хендерса и бегом в лабораторию. У нас совсем не осталось времени.

Спецназовцы вытолкали учёного из машины и, подхватив под локти, потащили в открытую Мартинесом дверь.

Перед лабораторией 3-А стояла система дезактивационных шлюзов. Чтобы пройти их, понадобилось минут пять. В самой лаборатории группу ждал коллега Хендерса, одетый в костюм повышенной химбиозащиты.

– Доктор Хендерс, что происходит? Кто эти люди? – начал было он, но спецназовец больно ткнул его стволом штурмовой винтовки в живот и рывкнул:

– Молчать! Отойди в сторону и стой тихо. Ещё услышу хоть звук, пристрелю нахрен, – потом он толкнул учёного к одному из столов и направил на него пистолет. – Делай своё дело. Быстро.

С загнанным видом Хендерс обвёл взглядом лабораторию. Его глаза остановились на одной из герметичных холодильных камер, выполненных из толстого бронированного стекла. В ней хранились вещества, используемые для стерилизации помещений после тестирования биоагентов. Он стряхнул оцепенение, подошёл к шкафу с оборудованием и достал оттуда упаковку с похожим на короткоствольный револьвер многогоразовым инъектором с системой подачи препарата барабанного типа. Такие используются в экстренных случаях, когда надо быстро сделать несколько инъекций не совместимых в одном растворе препаратов. Затем он направился к холодильной камере, набрав код, вошёл внутрь через дезактивационный шлюз, надел защитный костюм и открыл шкаф-хранилище. Окинув взглядом контейнеры с пробирками, он нашёл то, что искал. Металлическую коробку с раствором TCDD²⁶ – пожалуй, самым смертоносным ядом в мире, который использовался в Центре как компонент составов для стерилизации помещений, где проводились испытания биологического оружия. Дрожащей от волнения рукой он открыл контейнер и с облегчением вздохнул. Хотя ампулы с веществом были чуть меньше, чем слоты в барабане инъектора, он был устроен таким образом, что мог их использовать. Хендерс быстро снарядил 5 из 6 слотов барабана капсулами с ядом. В последний он вставил обычную ампулу с безвредным физраствором и перевёл её в рабочее положение.

Быстро пройдя через дезактивационный шлюз, он оставил в нём защитный костюм и противогаз и под пристальными взглядами вернулся в лабораторию.

– У нас всего несколько минут, – учёный с тревогой взглянул на настенные часы. – Садитесь на стулья в ряд. Закатайте брюки. Антидот будет введён в икорную мышцу, – Хендерс бросил быстрый взгляд на стоящего у стены коллегу и, увидев через колпак его шлема, как у того округлились глаза от удивления, медленно ему подмигнул.

Стараясь успокоить внутреннюю дрожь, Хендерс поставил в ряд несколько стульев из нержавеющей стали, но старший остановил его властным движением.

– Эй! Не так быстро. Кто знает, что ты нам собираешься колоть. Сделай первую инъекцию себе.

На это как раз и рассчитывал ученый. Он с готовностью сел на стул, закатал штанину и впрыснул себе в икру содержимое капсулы с физраствором. Тихо зажужжав, заработал привод инъектора, выводя в рабочее положение следующий слот, содержащий ампулу со смертельным TCDD. Запирающее устройство камеры загерметизировало горлышко, тонкая одноразовая игла прошла прочную резиновую пробку, выпустив яд в камеру для инъекции.

– Мы теряем время, – Хендерс поднял глаза на старшего. – Через несколько секунд антидот окислится и мне придётся идти за новой порцией.

– Свали со стула, – спецназовец толкнул учёного так, что тот чуть не повалился на пол.

Оперативники резво уселись на стулья и быстро закатали джинсы, предоставив икры ног для инъекции. Старший приставил к голове Хендерса пистолет.

– Смотри, сука. Что бы ты ни сделал, я успею нажать на курок.

---

²⁶ Тетрахлорбензо-пара-диоксин – одно из самых мощных известных отравляющих веществ. В чистом виде в 150 тысяч раз более ядовитое, чем цианистый калий.

Печально улыбнувшись, тот присел и сделал ему инъекцию, затем сразу же ещё две его товарищам. Всё заняло не больше двух секунд. Когда Хендерс вводил препарат третьему спецназовцу, кровоток старшего донёс яд до сердечной мышцы и мозга. Он умер мгновенно, так и не поняв, что произошло. Видя, как со стуком ударился о пол, выпавший из рук босса пистолет и как второй его товарищ повалился на бок со стула, последний боец попытался оттолкнуть учёного ногой и направить на него лежащую на коленях автоматическую винтовку. Но яд уже сделал своё дело. Спецназовец закатил глаза и сполз со стула на пол. Инъекции специально были сделаны в икры ног, чтобы дать секунду времени кровотоку донести его до жизненно важных органов и ввести препарат всем до того, как первый оперативник лишится жизни.

Тяжело дыша, Хендерс встал с колен и, вытерев со лба холодный пот дрожащей от страха и нервного напряжения рукой, посмотрел на стоящего снаружи в коридоре за бронированной стеклянной дверью лаборатории Мартинеса. Даже через запотевший от волнения щиток противогаса в его глазах читался ужас. Учёный решительно направился к двери. Лейтенант выхватил пистолет и, размахнувшись со всей силы, хлопнул ладонью по кнопке экстренной блокировки, рассчитанной на то, чтобы запереть и загерметизировать лабораторию в случае утечки опасных веществ.

Хендерс подошёл к двери и включил переговорное устройство.

– Лейтенант Мартинес, я не знаю, кто эти люди. Но они не те, за кого себя выдают. Это не агенты ЦРУ. Они пытались меня убить и взорвать тренировочный центр.

– Какого чёрта, Хендерс! Я только что разговаривал с майором Батлером. Он подтвердил, что ЦРУ проводит операцию по вашему задержанию.

– Это был не Батлер. С вами разговаривал один из них из машины через устройство перехвата связи. Я сам всё это слышал. Позвоните майору ещё раз. Даже лучше не Батлеру, а кому-нибудь из батальона штаба. Пусть передадут ему трубку.

Сбитый с толку Мартинес отошёл на несколько шагов от двери и, достав смарт, набрал номер. Он сказал несколько слов, затем подождал немного и, не спуская с учёного округлившихся от удивления глаз, говорил ещё минут пять. По ходу разговора его лицо вытягивалось, а в глазах появлялась смешанная с испугом тоска. Закончив разговор, он снова подошёл к переговорному устройству.

– Вы правы. Батлер ничего не знает об операции ЦРУ. Я действительно разговаривал не с ним. Комбат через полчаса будет здесь с подкреплением. А пока приказал вас не выпускать из лаборатории.

– Послушайте, лейтенант, – Хендерс наклонился ближе к переговорному устройству. – На улице стоит их хаммер. Там сидит ещё один боец. Багажник забит взрывчаткой. Если она рванёт, то снесёт полцентра. Надо это как-то предотвратить.

Когда Мартинес убежал, учёный обернулся к стоящему во всё той же позе с открытым от ужаса ртом коллеге и, устало улыбнувшись, сказал:

– Ну что вы стоите. Снимайте свой костюм, здесь нет никакой опасности.

– Нет. Я уж лучше так постою. Что это было? – дрожащим голосом ответил тот.

– Да я и сам толком не знаю. Послушайте... Это ваша лаборатория. Может, у вас где-нибудь припрятана бутылочка бурбона? Мне чертовски хочется выпить, а то трясёт от нервов, как студентку на первом препарировании.

– Нет. Вы что! Это 4-й уровень защиты. Здесь нет ни напитков, ни еды.

– Жаль, – печально вздохнул Хендерс.

– Но, знаете, есть этиловый спирт. Вон в том шкафу.

– Да? – Хендерс подошёл к шкафчику, оторыл его и достал небольшую стеклянную ёмкость, на которой красовалась этикетка «EtOH»²⁷. – Ого! Не пил такого со студенческих вре-

²⁷ Профессиональная формула, используемая для обозначения веществ этильной группы.

мён, – сказал он, выкрутил пробку, сделал большой глоток и, приложив к носу рукав комбинезона, с шумом втянул через него воздух. Добрая порция спирта огненной лавиной прошла по пищеводу и обожгла внутренности непривычным жаром. Через секунду по телу растеклась волна приятной слабости, а в голове появился лёгкий туман.

Чуть качнувшись, Хендерс вернулся в центр лаборатории, уселся на стул и устался на лежащие на полу тела.

– Коллега... Подумайте только. Я сейчас замочил трёх крутых спецназовцев. Я – никчёмный ботан! Трёх спецназовцев! А они, типа, – мы такие крутые. Мы тут всех нахрен порвём. А вы, доктор Хендерс, говно. А доктор Хендерс раз – и всех вас замочил, как последних лохов. Ах-ха-ха-ха! – разразился он истеричным смехом и ещё раз надолго приложился к ёмкости со спиртом.

В это время лейтенант Мартинес с охраной окружили Хаммер, на котором приехали спецназовцы. Водитель, видя, что операция провалилась, вызвал вертолёт эвакуации, и пригрозил взорвать внедорожник при попытке штурма. Минут пять через узкую щель в окне велись переговоры. Затем в небе над центром появился серый гражданский вертолёт без опознавательных знаков с двумя странного вида контейнерами по бокам. С минуту он молотил воздух винтами, оценивая ситуацию, затем один из контейнеров раскрылся, показав 30-мм пушку. Чуть поведя стволом, она захватила цель, зашипели приводы, подавая в патронник сегмент ленты с бронебойными боеприпасами, оснащёнными сердечниками из карбида вольфрама. Пушка коротко и зло гавкнула три раза. В бронированном лобовом стекле Хаммера напротив водителя образовалась плотная группа из трёх отверстий размером с пачку сигарет, через которые были видны разбросанные по салону кровавые ошметки спецназовца. Отстрелявшись, вертушка резко завалилась на правый бок и, заложив крутой вираж, пошла над пустыней на предельно малой высоте в сторону гор.

Отряхивая штаны, Мартинес поднялся с расположенного напротив входа в лабораторию газона, громко и длинно выругался на испанском и потянулся за рацией, чтобы доложить начальству.

Июль 2019. США. Лэнгли. Штаб-квартира ЦРУ

После разговора с Кросманом директор ЦРУ взяла короткую паузу, чтобы всё обдумать. В этой ситуации надо было действовать очень осторожно. Она чувствовала, что прикоснулась к чему-то большому и чрезвычайно важному, что ей приоткрылась суть реальной власти не только в Америке, но, возможно, и во всём западном мире. Было бы страшной ошибкой попасть между шестерёнок этого непонятного, но чрезвычайно мощного механизма.

О том, что в Америке существует глубинное государство – группа влиятельных политиков, силовиков и олигархов, которая определяет важнейшие аспекты жизни страны, Хосвей знала давно и даже причисляла к ней себя. Но о том, что у этой группы есть достаточно формализованная верхушка, время от времени жёсткой рукой корректирующая государственную политику, и даже собственная структура, она могла лишь догадываться. Это не было похоже на теневое правительство или закрытую масонскую ложу. «Хозяева денег», которых представлял Кросман, скорее, напоминали Политбюро в бывшем СССР или современном Китае. Судя по глобальному уровню решаемых проблем, они обладали тотальной, сравнимой с монархической властью. Какое место в этой сложной структуре будет отведено ей, можно было представить только приблизительно. Сейчас вопрос был в том, какую позицию занять. Активную, чтобы заслужить доверие и авторитет «хозяев денег» и использовать новое положение в своих целях, или держать дистанцию, чтобы понаблюдать за развитием событий и принять решение позже, рискуя так и остаться на вторых ролях.

Выложив часть козырей, Кросман не настаивал на её непосредственном участии в операции с вирусом, сказав, что помощь понадобится только в двух эпизодах. К тому же информация о самой операции была довольно расплывчатой. Но выбор надо было делать сейчас, и

Хосвей чувствовала, что от него будет зависеть её дальнейшая судьба. С позиции директора ЦРУ она могла сделать очень многое, если не всё, чтобы проект был успешен, а значит, по его результатам получить значительные выгоды, усилив своё влияние далеко за пределами разведсообщества.

Прокручивая в голове этот новый и такой необычный расклад, Хосвей на секунду представила почти безграничные возможности, которые может открыть поддержка «хозяев денег». Сколько интересных дел она сможет провернуть, скольких недоброжелателей и завистников окунуть мордой в дерьмо. Она может стать надёжным щитом и верным мечом этой всемогущей группы, её глазами и ушами. И, может быть, даже будет допущена к принятию важных решений, определяющих судьбу мира. Шанс, что по пути её сомнут, конечно, был. Но риск давно уже стал частью жизни директора ЦРУ, а граничащая с манией преследования осторожность и осмотрительность выработали почти безошибочную интуицию, подсказывающую правильные решения. Сейчас эта интуиция вместе с желанием быть причастной к большому делу, способному изменить мировую реальность, неуклонно подталкивали во вполне конкретном направлении.

Поразмыслив над новой информацией весь следующий день, Хосвей наконец приняла решение и ближе к вечеру вызвала к себе главу Управления тайных операций, который непосредственно вёл проект с Ясоном.

– Послушайте, Дексон. Вы работаете в Конторе значительно дольше меня. У вас огромный опыт, связи, авторитет. Если бы Белый дом занял другой президент, вы наверняка были бы директором. Но и сейчас ваша позиция ключевая. У вас почти такие же полномочия, как и у меня, и без политической шелухи. Мне нужен совет, – задумчиво проговорила она, решая, как себя вести с формально подчинённым замом, который оказался вовлечён в операцию, о масштабе которой она даже не догадывалась. – После разговора с Кросманом я оказалась в весьма затруднительном положении. С одной стороны, налицо явные признаки антиконституционного заговора и я как директор ЦРУ обязана на этот факт реагировать. С другой, мне импонирует позиция старика по оценке ситуации и перспектив развития Америки. А точнее сказать, их отсутствия. Я понимаю, что надо менять положение. Надо спасти страну, иначе она развалится к чертям, и американцы просто перестреляют друг друга на радость русским и китайцам. Я также понимаю, что обычными методами изменить ситуацию невозможно. Здесь нужна либо большая война, которая переформатирует мир, причём не факт, что США в ней победят или выживут вообще, либо некий внутренний процесс, способный быстро привести к радикальным изменениям. Я понимаю, что такой процесс уже запущен. И тут возникает дилемма... Как мне, директору ЦРУ, поступить? По закону? И попытаться использовать свои полномочия, чтобы защитить нежизнеспособную, насквозь прогнившую и пожирающую себя изнутри систему, которую мы сейчас наблюдаем в стране. Или по логике? И нарушить этот самый закон, предоставив Кросману шанс запустить кризис, способный дать Америке эволюционный скачок и оставить ей шанс если не на величие, то хотя бы на выживание. И вот что я вам скажу: я не могу сделать однозначный выбор.

– Понимаю, – качнул головой Дексон. – Выбор непростой. Потому что сам вопрос поставлен некорректно. От вашего решения, по большому счёту, ничего не зависит. Проект реформирования Америки уже запущен и в любом случае будет доведён до конца. Поверьте, вариант с вирусом самый мягкий и щадящий. Во всяком случае из тех, что известны мне. Я бы посоветовал вам выбирать не между вариантами будущего Америки, а между вариантами собственного будущего. Вернее, между будущим и его отсутствием.

– Даже так? – подняла брови Хосвей. – Это звучит, как угроза.

– Называйте, как хотите. У вас достаточно опыта, чтобы адекватно оценить ситуацию.

– А что, если я сейчас вызову дежурную группу и прикажу вас арестовать за участие в заговоре и измену?

– А смысл? – пожал плечами глава тайных операций. – Взяв меня, вы ничего не добьётесь. Из камеры я выйду уже завтра. Такими действиями вы окончательно расколете Контору и поставите себя под удар Кросмана. А уж он мастер наносить удары, можете мне поверить. В лучшем случае вам светит десяток лет за решёткой за прошлые грехи или, что более вероятно, авто- или авиакатастрофа, чтобы не выносить сор из избы.

– Не забывайте, Дексон, – повысила голос она. – Вы в моём кабинете, и я пока ваш начальник.

– Извините, мэм. Вы просили совета. Я пытаюсь быть откровенным.

– Ваш совет выглядит, как банальное запугивание.

– Вовсе нет. Это просто прорисовка наиболее реальных перспектив. Вы прикоснулись лишь к незначительной части структуры, обладающей в Америке и за её пределами непревзойдённой мощью и колоссальной властью. Теперь ваша судьба и жизнь принадлежит ей. А конкретно, Кросману. Ваш выбор: стать частью этой структуры или быть ей раздавленной. Свой я сделал лет десять назад и, скажу честно, ничуть не жалею. Работа интересная, ресурсы почти безграничные, а о деньгах и личном благополучии вообще можно не думать. Извините, мэм, – он достал защищённый служебный смарт и с минуту хмурясь вслушивался в чей-то доклад, потом перевёл глаза на начальницу и со вздохом сообщил: – Вот как раз по работе... Посланная мной в Юту на полигон Дагвей группа уничтожена. У неё была задача допросить и ликвидировать шефа биологических лабораторий, который стал источником информации о вирусе.

– Вы послали оперативников на секретный военный объект? – изумилась Хосвей.

– Не наших, конечно. Действовали наёмники одной из частных ОТАС²⁸, находящейся у нас на контракте. На объекте что-то пошло не так. Ребята, похоже, нарвались на охрану, и те их перебили.

– Вы так всех частников нам угрожите или отобьёте у них желание с нами работать.

– Ну... Это неизбежные издержки производства. Мы им платим огромные деньги. Людей на рынке с боевым опытом хватает. Потери в их работе неизбежны, и главы компаний это понимают. Так что ничего страшного. Переживут. Кстати, последнего оперативника они сами и ликвидировали, чтобы не оставить следов. Так что официально мы не при делах. Только связь, спутник и общая поддержка.

– И что теперь? Военные поднимут шум. А от них вони иногда бывает, как от сварливых кухарок на общей кухне.

– Группу спишем на террористов. Нам важно вычислить источник утечки в Ясоне. Теперь подключим запасной вариант. Зайдём с другой стороны, через военную прокуратуру. Там у нас своя агентура. Ну а проект будет разворачиваться в том же графике, только с небольшими изменениями по активностям.

– Мне нужно больше информации, – плотно сжав губы, Хосвей посмотрела суровым взглядом в глаза подчинённому.

– Это не ко мне. Кросман ведёт проект. Решение за ним. Позволите? – шеф тайных операций снова достал смарт. – Вы можете с ним поговорить прямо сейчас.

– Давайте, – кивнула она и приняла от него аппарат.

– О! Миссис Хосвей, – послышался в трубке немного усталый голос. – Долго же вы думали над моим предложением.

– Я приняла решение. Я готова вам помочь.

– Хорошо. Я понимаю, Дексон у вас? Он э... формализует наши отношения. Вашу роль и следующие шаги обсудим, когда вы войдёте в курс дела.

---

²⁸ Operations and Tactical Support – компактные, хорошо оснащённые частные компании по специальным операциям, оказывающие силовую поддержку ЦРУ и Пентагону там, где использование собственных активов невозможно или нецелесообразно.

– Мне нужно больше информации о проекте.

– Конечно. Как только вы подпишете бумаги, получите доступ к информации. Поговорите со специалистами, а потом мы встретимся где-нибудь в тихом местечке и за бокалом вина я отвечу на ваши вопросы. Удачи вам, мэм. Я рад, что вы с нами.

– Кросман сказал, что я должна подписать какие-то бумаги, – не скрывая иронии, ухмыльнулась директор. – Это обязательство о неразглашении? Может, договор личного подряда? Контракт найма?

– Все нет, – пропустив иронию мимо ушей, Дексон достал из кармана конверт, вынул из него лист гербовой бумаги, на которой печатаются секретные приказы ЦРУ, и положил перед начальницей.

Осторожно взяв в руки документ, она прочитала содержимое и подняла на шефа тайных операций удивлённые глаза.

– Вы с ума сошли. Вы хотите, чтобы я подписала это?

– Да. Это приказ на проведение операции на секретном военном объекте на полигоне Дагвей.

– Но ведь он станет моим смертным приговором. Операции такого рода приравниваются к государственной измене.

– Всё верно, – кивнул Дексон. – Это страховка насчёт того, что вы по ходу дела не измените своего решения и будете играть по правилам. Это ещё щадящий вариант. Вам могли предложить подписать тайный приказ на ликвидацию президента.

– Да-а... Вы серьёзно подходите к делу, – директор ещё раз внимательно прочитала текст приказа и, поборов последние сомнения, поставила внизу свою подпись.

– Спасибо, мэм. Я тоже рад, что вы с нами, – он взял листок, аккуратно его сложил, упрятал в конверт и положил во внутренний карман. – Теперь о брифинге. Никаких документов и записей по проекту не ведётся. Но есть несколько ключевых специалистов. Предлагаю начать с азов. Завтра я вам организую встречу с вирусологом. Он расскажет научную часть. Немного скучновато, но без таких деталей общая картина будет неполной.

После встречи с замом Хосвей вызвала старшего смены техподдержки и попросила передать ей видео- и аудиозапись разговора. Тот прямо из её кабинета вошёл в систему и, побряхтев от напряжения, заявил, что запись отсутствует. Камеры, микрофоны и записывающие устройства в кабинете работали исправно, но файлы регистрации забиты помехами. В хорошо охраняемую серверную никто не заходил, так что стереть материалы регистраторов было невозможно. Но факт оставался фактом: вся информация о беседе с шефом тайных операций в системе отсутствовала. Только через час, проанализировав все параметры оборудования, начальник смены сообщил, что запись была невозможна, потому что во время беседы в кабинете работало мощное устройство, глушившее Wi-Fi и Bluetooth-каналы, по которым передавались данные с камер и микрофонов.

Портативная глушилка, конечно же, была у Дексона. Он разыграл свою партию безупречно и теперь владел на директора смертельно опасным компроматом. Но сейчас это было уже не важно. Ввязавшись в игру, Хосвей решила довести её до конца и пробиться в структуре «хозяев денег» на самый верх. Туда, где разрабатывают и принимают решения о судьбах мира.

* * *

Вирусолог, с которым глава тайных операций назначил Хосвей встречу, прилетел специально из Нью-Йорка, где, как оказалось, у Ясона находился головной офис. Это был подтянутый ухоженный китаец лет сорока, всем своим видом излучавший успешность и доброжелательность. Они встретились на одной из вилл ЦРУ на побережье Чесапикского залива.

День был великолепный. Обычную для июля жару сбивал свежий бриз, дующий с океана. Солнце прикрывали белые перья облаков, а высокие кипарисы, окружающие террасу, создавали комфортную тень.

Джейсон Ву, так звали учёного, приволок с собой внушительную папку материалов из серии «Занимательная вирусология» и флэшку с циклом своих лекций. Помимо работы в Ясоне, он ещё был профессором в Научном центре здоровья при Нью-Йоркском университете и курировал там несколько лабораторий. Хосвей не хотелось углубляться в науку, и она, сославшись на недостаток времени, попросила Ву сразу перейти к делу, при этом неосмотрительно назвав вирус микробом. Такого профессор никак допустить не мог и всё-таки разразился получасовой лекцией по общей вирусологии.

– Понимаете, мэм, вирус – это не бактерия и не микроб. С технической точки зрения он даже не совсем попадает под определение живого организма. У всего живого в том виде, в каком мы его знаем, есть несколько отличительных особенностей. Живой организм обладает метаболизмом, внутри него происходит обмен веществ. Он взаимодействует с окружающей средой, берёт из неё энергию или необходимые для жизни вещества и отдаёт продукты жизнедеятельности. У него есть способность к размножению, то есть он может реплицироваться или производить на свет себе подобных. И наконец, он эволюционирует, развивается, изменяется, приспосабливаясь к внешней среде. Так вот, вирусы не обладают свойственной живым организмам самостоятельностью по трём из четырёх позиций. У них нет собственного метаболизма, они не могут самостоятельно размножаться и эволюционировать. Всё это они способны делать, только находясь внутри клетки хозяина. Если хотите, вирус – это всего лишь набор информации вроде флэшки, которую надо вставить в компьютер, чтобы извлечь из неё данные, с которыми можно проводить манипуляции, только если они находятся в операционной системе.

– Спасибо за вводный курс, доктор Ву, – улыбнулась Хосвей, показывая, что она получила достаточно общей информации. – Я бы хотела побольше узнать о том, что вы испытывали на полигоне Дагвей.

– Конечно, мэм. В Юте мы испытывали вакцину от новой разновидности коронавируса.

– Корона?

– Это название такое. Наш коронавирус – это одноцепочечный РНК-содержащий вирус. В нём цепочка рибонуклеиновой кислоты, содержащей генетическую информацию, упакована в белковую оболочку, покрытую двумя слоями липидов – жиров и жироподобных соединений. От этой оболочки отходят похожие на короны шипы, которыми вирус цепляется к клетке. Отсюда и название семейства – коронавирусы. Так вот. Несколько лет назад нам удалось создать очень удачный вирус.

– Что значит удачный? – поинтересовалась директор.

– Удачный с точки зрения применения. В вирусологии есть такое понятие, как супервирус. Он должен легко передаваться от человека человеку, иметь длительный инкубационный период, чтобы заражённый мог передать его как можно большему количеству контактов, быстро мутировать, чтобы усложнить производство вакцины, и иметь заданную патогенность, то есть уровень летальных исходов. Ещё у него должна быть высокая резистентность – способность выживать в широком спектре температур влажности и противостоять известным препаратам. В общем, в одной из наших зарубежных лабораторий мы получили такой вирус. Мы дали ему рабочее название SARS-CoV-X. SARS – это острый респираторный дистресс синдром. Атипичная пневмония, другими словами. CoV – обозначение коронавируса. «Вирус-X» – это воровское обозначение опасной глобальной пандемии, которой они всех пугают, чтобы увеличить свой бюджет. Вот мы им и поможем.

– Вирус искусственный? Я слышала, что их можно собирать, как Лего из элементов.

– Искусственно синтезированный, или собранный, вирус называют реассортантом, или рекомбинантом. Такие технологии действительно существуют. Но лабораторные вирусы легко отследить по блокам, из которых они состоят, и связям между ними. А ещё по эволюционной цепочке. Мы же хотим, чтобы вирус выглядел естественно. Как будто он вышел из природного резервуара и перескочил на человека. Поэтому мы использовали другой, уже основательно подзабытый метод – селекцию. После того как в 2015 году моя группа из университета Северной Каролины скрестила неопасный для человека вирус RsSHC014 китайской подковоносой мыши с человеческим вирусом SARS-CoV и получила вполне себе пригодный патоген, мы поняли, что надо взять весь процесс под контроль. Группа распалась, лучших – меня и еще одного биохимика – Ясон взял к себе вместе с разработками. Исследования, конечно же, засекретили. Даже президентская директива вышла о моратории на эксперименты с человеческими вирусами в США. Единственное, что не удалось, так это подчистить инфу в интернете. В общем, Ясон принял на себя концепцию нового коронавируса и приступил к его разработке.

– Кто финансировал исследования?

– По вирусу – частный закрытый фонд. По вакцине – научный отдел ЦРУ.

– Вы использовали государственные деньги для частных исследований?

– Всё в рамках одобренной программы защиты от биологического оружия, мэм. Мы разрабатываем вакцину. Это не запрещено. Более того, если Штаты накроет эпидемия, наши препараты спасут миллионы американцев. Вернее, я не так выразился. Не если, а когда. И это «когда» уже совсем близко.

– Оставим оценку ваших действий на потом. Продолжайте.

– Так вот, – немного озадаченный такой реакцией собеседницы продолжил учёный. – Для производства нашего вируса мы использовали метод селекции. Это когда эволюция живого организма идёт естественным путём, но управляется человеком через создание определённых условий и отбора для дальнейшего развития конкретных образцов, имеющих заданные характеристики. Мы взяли оригинальный вирус летучей мыши из Китая и подсадили его на несколько вариантов клеточной культуры – свиньи, собаки, кошки, козы. Короче, целый зоопарк. Был в этом списке и человек.

– Интересно, где вы содержали такое количество животных? – поинтересовалась Хосвей. – Ведь вам явно нужен был не один экземпляр.

– Ну что вы, мэм, – позволил себе снисходительную улыбку Ву. – Мы использовали животные образцы носителей только на заключительном этапе. Селекционный посев делался на выращенную в пробирке клеточную культуру. На один момент у нас было до десяти тысяч образцов. Представляете, сколько нужно было бы животных. А так у нас небольшой комплекс лабораторий на частном закрытом острове в Тихом океане вдали от людей. Там и проводятся исследования.

– Где этот остров? Как называется? – жёстким, почти как на допросе тоном спросила директор. Ей не нравился этот холёный китаец. Он с лёгкостью и обыденностью рассказывал об исследованиях, способных убить миллионы людей. Даже она, считавшая себе циником и мизантропом, не позволяла себе такое, хотя моменты, когда хотелось уничтожить всё человечество и остаться на планете одной, с возрастом приходили всё чаще.

– Извините, мэм, – улыбка исчезла с лица учёного. – Я не могу вам назвать его расположение. Не потому что не хочу, а потому что не знаю. Я отвечаю за теоретические разработки, моделирование, секвенирование геномов и осуществляю общее научное руководство. Практическими исследованиями на реальном биоматериале руководит другой человек. Вам лучше поговорить об этом с руководством Ясона.

– Хорошо, – она чуть смягчила свой тон. – Продолжайте.

– Спасибо, мэм. Путь селекции долгий и довольно скучный. Хорошо то, что вирусы летучей мыши обладают высокой мутагенностью и эволюционируют очень быстро. Весь процесс

занил почти два года. Мы внедряли РНК вируса в клетки потенциальных носителей, экспериментировали с поверхностными белками, точками контакта, механизмами проникновения вируса через клеточную мембрану. Подсаживали прототипы в клетки, уже заражённые другими вирусами вроде ВИЧ или Эболы в надежде, что они там создадут некую новую жизнеспособную комбинацию из элементов своих РНК. В общем, вели тяжёлую и нудную работу. Но по результату мы вышли на полдюжины вариантов, которые обладали нужными нам свойствами и использовали в качестве резервуара животных, с которыми плотно контактирует человек. Наиболее перспективными оказались собаки. У всех млекопитающих, включая человека, есть особый белок – ZAP. Это основной противовирусный фактор широкого спектра, являющийся частью врождённого иммунитета. Этот белок через сложный внутриклеточный механизм предотвращает размножение вирусов в организме. Но некоторые одноцепочечные вирусы вроде SARS-CoV научились его избегать. Мы выяснили, что геномы коронавируса собак SCoVs, который является источником высокоинфекционного кишечного заболевания и не раз уже вызывал эпизоотии в популяции этих животных, имеют очень полезное для нас строение. Они на 96 процентов совпадают с геномами человеческого SARS-CoV, вызвавшего эпидемию атипичной пневмонии в 2003 году, и геномом коронавируса BatCoV RaTG13 китайской летучей мыши. Это открытие значительно сузило спектр поисков, потому что кишечные бактерии собак оказались способны провоцировать повышенную мутагенность вируса. Одной из таких мутаций стало снижение активности геномной CpG – участка генома, состоящего из неметилированных динуклеидов. Этот блок генома отвечает за активацию систем врождённого и приобретённого иммунитета. Снижение такой реакции позволило вирусу избежать жёсткого иммунного ответа. Механизм проникновения вируса в клетку человека был отработан нашей группой ещё в университете Северной Каролины в 15-м году. Как я уже сказал, коронавирус покрыт особыми шипами, которыми он крепится к клетке и затем вводит в неё свою РНК. Этот процесс происходит благодаря контакту поверхностного белка SHCO14, находящегося на шипе, особым ферментом клетки ACE-2. Как раз этот фермент и является дверью, через которую наш патоген и проникает в клетку. Далее путём нехитрых, но довольно затратных по времени манипуляций с контактными белками мы получили несколько образцов вируса, способных связываться как с клетками собаки, так и с клетками человека. Ну а дальше всё просто: пара месяцев испытаний на клеточной культуре человека, затем ещё полгода на живом биоматериале – и наш почти совершенный SARS-CoV-X готов.

– Почему почти? – Хосвей с интересом наблюдала за учёным, который с детской непосредственностью радовался созданию потенциально смертоносного патогена.

– Потому что нам помешали развить в нём один фактор, который не позволяет назвать его полноценным супервирусом, – патогенность. Наша задача была создать высоковирулентный образец, который бы легко и быстро передавался от человека к человеку, имел длительный инкубационный период, но не приводил бы к большому количеству летальных исходов. И мы сделали всё в точности, как было описано в брифе на исследования. Вирус будет вызывать ОРДС – острый респираторный дистресс-синдром, или, другими словами, атипичную пневмонию. Из-за вирусного поражения лёгких у больного возникает сильное воспаление. Альвеолы лёгких, через которые кислород впитывается в кровь, являются основной целью инфекции. При поражении они начинают схлопываться. В организм поступает меньше кислорода. Начинается одышка, кашель. Если процесс не остановить, летальный исход неизбежен. Но лечить ОРДС можно подачей кислорода или искусственной вентиляцией лёгких. Так что наш вирус не особо опасен. Хотя, – китаец хитро улыбнулся. – Что-то мне подсказывает, что работа над ним не закончена. Думаю, в ближайшем будущем нас попросят исправить единственный недостаток в нашем детище. И тогда у нас в руках будет реальный супервирус, при помощи которого можно будет даже регулировать население планеты.

– Итак... Вы создали вирус. Что дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.